№ 5 (32)

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

ДАГЕСТАН

$$H=-\sum_{i=1}^{k} p\ln p$$

... С тех пор, как люди научились измерять неопределенность и понимать меру необратимости, стало ясно, что подозрение на внутреннюю красоту мира останется вечно...

Шамиль Алиев, академик

(см. стр. 12)

ГОРОД И ПОРТ...

НУ КАК ПРАВИЛЬНО?

В октябре столица Дагестана отмечает юбилей – 150-летие города. Для каждого дагестанца, где бы он не жил (в каком бы городе или селе, в своей республике или в одном из регионов огромной России), это – событие, хотя и в разной степени эмоциональности. Ведь все мы патриоты родного края. Анатолий Коркмасов, который живет и работает в Москве (это внук одного из самых значимых дагестанцев в истории республики первых десятилетий прошлого века – Джелалутдина Коркмасова), много времени проводит в различных государственных архивах, разыскивая документы тех лет. Вот какую любопытную информацию он прислал в нашу редакцию.

Если имя Петра I, в память о котором в 1844 году было основано укрепление Петровское, хорошо известно, то каковы обстоятельства, связанные с получением им статуса города, с его наименованием и переименованием?

В 1844 году на месте, освященном пребыванием Петра I, был положен первый камень, послуживший основанием укрепления Петровское. Вокруг укрепления стали возводиться дома и различные постройки, развивалась торговля. В прилегающей к нему акватории отстроены два мола. Через 4 года здесь была учреждена таможня. В 1855 году под предлогом избыточности населения из Темир-Хан-Шуры, тогдашней столицы Дагестанской области, в Петровское было переселено 120 семей. После этого значительно выросло домостроение, и численность Петровского достигла 600 человек.

24 октября 1857 года, т.е. через 13 лет после закладки первого камня для укрепления Петровское, императором Александром II было учреждено «Положение об управлении портового города Петровское, учрежденного при Петровской крепости на северо-западном берегу Каспийского моря». С этих пор Петровское приобрело статус города Дагестанской области и стало именоваться Петровск-Порт.

В 1921 году, исходя из соображений геополитики, встал вопрос о переносе и одновременно переименовании столицы Дагестана. 14 мая 1921 года, после предварительного обсуждения вопроса «О Центре ДССР» и «Переименовании П. Петровска и Темир-Хан-Шуры», председатель правительства ДССР Дж. Коркмасов подписал Постановление об учреждении новой столицы Дагестанской республики.

Необходимо отметить, что с датой 14 мая 1921 года связан ряд обстоятельств. Во-первых, решение правительства Дагестанской республики о переименовании вступало в законную силу только после рассмотрения и утверждения его центральными органами, а во-вторых, это решение, как выясняется, было принято с известными оговорками. И вот с какими.

Постановление, подписанное Президиумом ВЦИК РСФСР, гласит: «Петровск и Темир-Хан-Шура переименовываются: первый в Махач-Кала, а второй в Буйнакск, причем за примыкающими к этим городам морским портом и железнодорожными станциями сохраняются их прежние названия.

Москва, Кремль. «10» июля 1922 года»

(ГАРФ, ф. 1318, оп. 7, Д. 74, л. 5)

Анатолий КОРКМАСОВ

Такая вот неожиданная информация ко дню рождения города!

В НОМЕРЕ:

С. 2
Тарумовский старт

С. 4
Дубленки и костюмы, а также овощи, фрукты и виноград

С. 8
Фермеры из Андыха: четыре встречи...

С. 11
Рождение новой науки?

С. 12
Шамиль Алиев: О гуманности оружия и выстраданности науки

С. 16
Два крыла образования

С. 18
Из-за рубежа – к нам на учебу

С. 20
Борис Покровский: О таланте Ширвани Чалаева и хоровом пении

С. 22
Многоязычие – наше богатство

С. 23
Хасан Давудов предлагает...

С. 24
Наше здоровье – проблемы и тенденции

С. 26
Есть люди, которые...

С. 28
"Лезгинка": полвека спустя

С. 33
Стимул Магомеда Батырханова, которому 90 лет

С. 34
Где обитает детство

С. 38
Арсен Кардашов: О времени и о творчестве...

С. 44
На экране "Имам Шамиль"

С. 48
Мое знамя – песня

С. 52
Славим чемпионов – которые есть, но... ...и трижды – которые будут!

С. 54
Богатырь Осман

С. 56
Горе и радость. На вокзале.

А что делать?!

Этот номер журнала выходит в окябре, а следующий – в декабре, когда размышлять о выборах в Госдуму уже будет поздно. Поэтому в самый раз сделать это сейчас, когда предвыборная кампания набрала уже обороты.

За какую партию будем голосовать, дорогой наш читатель? Сложный вопрос, скажете вы, и я соглашусь. Потому, что трудно понять, какая из них является наиболее достойной. В принципе вроде бы ясно, но как вспомнишь, кто в какой партии состоит, то возникают бо-о-ольшие сомнения.

Что до меня, то впервые испытываю полное доверие (на сегодня) к политикам высшего ранга. Правда, всего к двум. На федеральном уровне – к Владимиру Путину, на дагестанском – к Муху Алиеву. Не верноподданнический это и при любой власти противный подхалимаж, а вынужденная фиксация факта. Никто же за язык не тянет, а выразить свое отношение к выборам надо, профессия обязывает. И оба они, вроде, приверженцы «Единой России». Так то оно так, но уж больно много среди единороссов людей, с которыми в разведку не пойдешь. Как быть?

Оглядываюсь назад. А что было, когда голосовали сплошь за «блок коммунистов и беспартийных»? Разве не то же самое? Понятно, что тогда – голосуй-не голосуй – результат все един. Я поручал эту процедуру жене. И, уверен, не я один. Голосовал тогда порой один человек за всю семью, и чуть ли, собрав паспорта, не за весь подъезд. Если не прельщало пиво на избирательном участке. Но ведь тогда в КПСС были и очень достойные люди наряду и с очень недостойными. А что было делать?!

О других партиях даже не говорю. Нет к ним доверия! Все какие-то искусственные, изобретенные, не выросшие из жизни. Единороссы тоже не без этого греха. Раньше доверял СПС, но в последние годы в ней что-то сломалось и несут ее нынешние лидеры порой такую чушь… Но не буду влезать в эти дебри.

Хотя появилась недавно еще одна – "Гражданская сила" с лидером Михаилом Барщевским, известным юристом. Программа ее очень точна и логична. И без популизма. И еще плюс: неизвестно (по крайней мере, мне)) есть ли в ней люди, к которым доверия нет. И возникает выбор.

Так что, дорогой читатель, пойду голосовать. Ведь надо, чай, не прежние безразличные времена.

А что делать?!

Далгат АХМЕДХАНОВ,
главный редактор

В следующем номере читайте репортаж нашего специального корреспондента с международного инвестиционного форума "Сочи – 2007", в частности, и о том, о чем не сообщали другие СМИ.

ПОРТРЕТ РАЙОНА

Гази ГАСАЙНИЕВ

ТАРУМОВСКИЙ СТАРТ

Принято считать «отцом» плановой экономики Карла Маркса. В таком случае «отцом» рыночной экономики можно считать Адама Смита. Однажды Смит посетил мастерскую, где делали булавки. Каждый рабочий отрезал себе кусок проволоки, затачивал ее один конец, изготавливал замок, в котором укреплял второй конец. К концу смены каждый из них получал примерно 40 булавок. Адам Смит предложил каждому рабочему выполнять только одну операцию. Один пусть занимается обрезанием проволоки, другой – только затачиванием, третий – изготовлением замков и так далее. И производительность труда поднялась чуть ли не в 10 раз. Такое разделение труда с успехом используется во всем мире. И происходит уже не только на уровне предприятий, но и на уровне целых стран. К примеру, японцы не шьют мужских рубашек, им выгоднее закупать их в Южной Корее. До недавних пор наша плановая экономика напрочь отметала целесообразность разделения труда. В Сибири пытались выращивать виноград, на Кавказе – хлопок. Чиновники решали, где, сколько, что сеять, производить, потреблять… Плоды такой экономической политики мы пожинаем до сих пор.

Эта присказка для того, чтобы еще раз убедиться, что экономика любого региона (села, города, района, республики, страны) должна определиться со своей специализацией. В Дагестане среди определившихся районов можно назвать Дербентский (плодоовощная продукция, виноград, виноделие), Каякентский (виноград, туристско-рекреационная зона), Кизлярский (рис, молочное животноводство), Левашинский (капуста), Акушинский (картофель, добыча камня)… Словом, целесообразнее заниматься тем, что хорошо получается, для чего есть необходимые условия. А каковы в этом отношении возможности Тарумовского района?

ЖИВОТНОВОДСТВО

Когда его администрацию возглавил **Сергей ЧЕПУРНОЙ**, то занялся подъемом сельского хозяйства. Как этого добиться, когда средств нет не только у района, но и у республики? Для их привлечения было решено развивать племенной крупнорогатый скот. В начале 2002 года животноводы МУП имени Кирова по лизингу получили из Липецкой области около 200 породистых телок и несколько быков-производителей. Это был первый шаг. За ним последовали другие. Менее чем за три года поголовье племенного скота увеличилось втрое, удой от племенных коров начал превышать 3000 кг в год. Сейчас район в состоянии обеспечивать племенным скотом потребности чуть ли не всей республики, но такого заказа тарумовцы пока не получают. И, наверно, зря.

Если в конце 2001 года в районе насчитывалось 17400 голов крупного рогатого скота, то сейчас его более 30 тысяч. А если присовокупить еще и около 250 тысяч голов мелкорогатого скота, станет ясно, сколько мяса и молока «бегает» по его степям. И еще несколько цифр. В 2001 году средний удой составлял 1340 кг молока в год на одну корову, а сейчас он вырос до 1500 кг. Ежесуточно тарумовцы надаивают более 30 тонн молока.

Нерешенным пока остается вопрос с его переработкой. Впрочем, нашелся частный инвестор, решивший вложить свои средства в строительство молочного завода, но юридические препоны, связанные с собственностью на землю, застопорили благое дело. Сейчас, по словам начальника управления сельским хозяйством района **Магомеда АБДАЛОВА**,

молоко за бесценок (по 6-8 рублей за литр) приходится сдавать Кизлярскому молочному заводу.

В развитии животноводства еще далеко до пика. Речь идет не об экстенсивном развитии – так ведь недолго хрупкие степи превратить в пустыню. При плановой экономике здесь работало несколько животноводческих комплексов, в том числе свинофермы, птицефабрики. Началось возрождение Калиновской птицефабрики, которая в былые времена ежегодно давала около 250 тонн диетического мяса. А возрождать свинофермы здесь не собираются – мол, нет спроса на свинину. Довод, мягко говоря, неубедителен – Россия не одну тысячу ее тонн завозит из других стран, так что спрос, если не в республике, то в стране, далек от удовлетворения.

КОРМОВАЯ БАЗА

Животноводство может успешно развиваться только там, где есть корма. В этом отношении в Тарумовском районе все благополучно. К естественным лугам и пастбищам, раскинувшимся здесь на десятках тысяч гектаров, добавились 7500 гектаров под многолетними сеяными травами. Не забывают и о сочных кормах – выращивают кормовую тыкву, кукурузу на силос, рапс, суданку и другие культуры.

После одного-двух укосов люцерны район с избытком обеспечивает свои потребности в грубых кормах. Сейчас здесь продают сено и солому в больших количествах хозяйствам других районов. Тарумовцы могли бы обеспечить потребности всей республики в семенах люцерны. Но, к удивлению, Минсельхозпрод предпочитает закупать семена за пределами республики, хотя они ни по каким параметрам не превосходят тарумовские. К слову, то же самое можно сказать и о другой сельскохозяйственной продукции: без заказа со стороны, тем более внутри самой республики, тяжело аграриям реализовывать выращенное. Сейчас же выходит так, что посредник, покупая в одном месте и перепродавая в другом, за сравнительно короткий промежуток времени получает больше доходов, чем сельхозработник, который трудился целый год.

ЗЕРНОВЫЕ

Потребности республики в зерне собственное производство удовлетворяет лишь на 20 процентов, остальное завозится из соседних зерносеющих регионов. Это целесообразно и логично – урожайность зерновых на Ставрополье и Кубани значительно выше, а себестоимость ниже. Напрашивается вывод: республика должна выращивать что-то другое, а зерно полностью закупать в соседних регионах. Но **Магомед ОМАРОВ**, руководитель

ООО «XXI век», убедительно доказал, что тарумовская земля может плодоносить лучше. На некоторых участках в этом далеко не лучшем по погодным условиям году он довел урожайность зерновых до 60 центнеров с гектара. Средняя урожайность на возделываемом этим обществом поле составила 25 центнеров с гектара.

Следовательно, при грамотном подходе северные районы республики могли бы значительно увеличить долю собственного зерна. Возможности заключаются не только в повышении урожайности. В Тарумовском районе из севооборота выведено более трех тысяч гектаров земли. Причина в том, что вышла из строя оросительная сеть – каналы заилились, запорно-регулировочная арматура проржавела, не так давно обрабатываемая плодородная земля зарастает камышом и бурьяном, наступает кустарник лоховника. Как сказали в Минсельхозпроде, этой болезни не избежали и другие районы республики: общая площадь когда-то обрабатываемых, но ныне заброшенных земель приближается к 100 тысячам гектаров. Силами хозяйств и районов выправить положение будет трудно. Уповать на частного инвестора тоже не стоит, поскольку вложенные средства, если и вернутся, то не так скоро, как того желали бы владельцы этих средств. Нацпроект по АПК в этом деле тоже помощник слабый – здесь пока больше разговоров, чем реальных дел. Остается только одно: отвести эти земли под пастбища и ждать лучших времен.

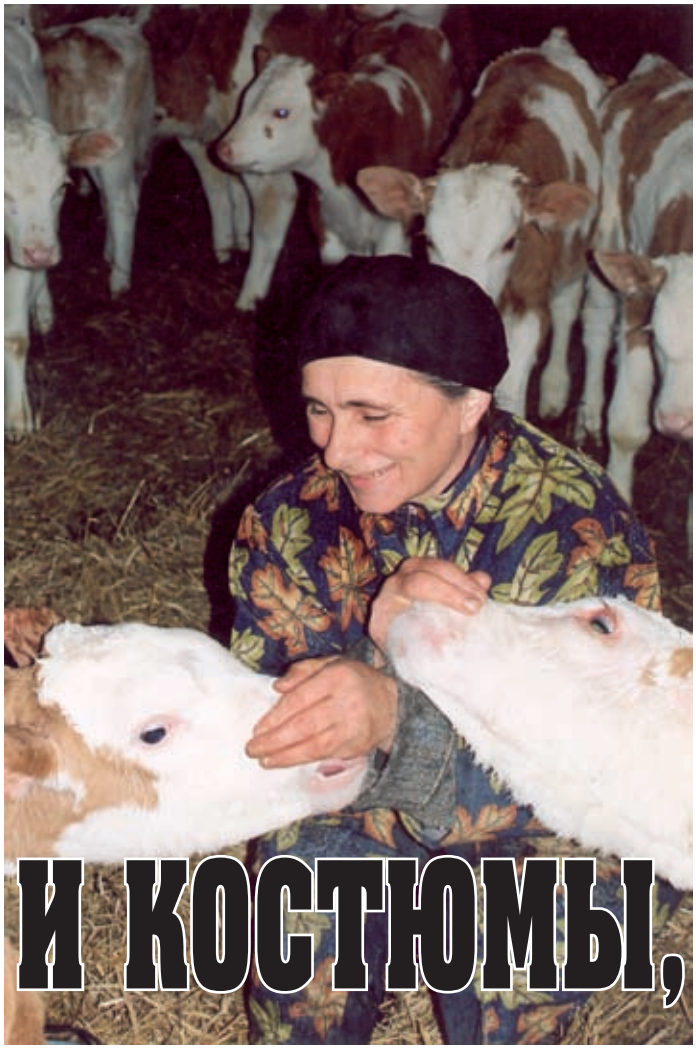
РЫБОВОДСТВО

Территория Тарумовского района не только богата гидроресурсами, но и включает в себя берег Каспия. В районе давно промышляют рыбой – здесь сохранились три специализированных хозяйства – Широкольский рыбокомбинат, МУП «Таловка» и «Путь рыбака». Рыбопродукты в любом виде пошли бы нарасхват – рынок сбыта практически не ограничен. Наращивание промысла упирается в нехватку денег. Вот где мог бы хорошо развернуться частный инвестор – ведь рыбу в пруде не надо пасти, с ней практически нет забот. Запускай мальков, через некоторое время собирай «урожай».

Уникальность этого интернационального (здесь живут представители более 30 национальностей) района заключается в том, что по всем этим направлениям он мог бы занять лидирующее положение в республике. Целесообразность их проверена временем. Конечно же, есть и другие, хотя бы такие, как бахчеводство и овощеводство. Финансовые возможности самого района сегодня ограничены. Поэтому сюда уже нацелили свои взгляды как государственные, так и частные инвесторы. В выигрыше окажется тот, кто опередит конкурентов. Старт гонке уже дан.

Джамалудин ДЖАМБУЛАЕВ

Надежда, что агропромышленным комплексом будут достигнуты ориентиры Программы экономического и социального развития республики до 2010 года, стала реальной, а это рост налоговых поступлений в казну, числа рабочих мест, обилие продовольствия местного производства, сырья и т.п. Явственно обозначились и проблемы – сбыт и обработка овощей, плодов, кож, шерсти, которых не решить без акцентирования внимания к ним власти и общества. Многие специалисты, к которым обращался с просьбой ответить на вопрос, почему в нашей республике есть забота о заводах, работающих на завозимом металле, а о переработке и сбыте огромной массы производимого сельским хозяйством сырья ее нет, повис в воздухе…



ДУБЛЕНКИ И КОСТЮМЫ, А ТАКЖЕ ОВОЩИ, ФРУКТЫ И ВИНОГРАД

ЧТО-ТО НАДО ДЕЛАТЬ

Представьте себе число рабочих мест, выплачиваемые в бюджет налоги кожевенных предприятий, на которых ежегодно выделывалось бы около двухсот тысяч шкур крупного рогатого скота и более миллиона овчин. Таковым определяет объемы дагестанского кожевенного ресурса ученый Рамазан Уруджев. Специалисты считают, что обработка шкур и овчин, шитье и реализация изделий из кожи приносили бы республике ежегодно доход не менее 2,5 миллиардов рублей.

Кожевенное дело было в Дагестане одним из традиционных. В прошлом в каждом ауле были умельцы по выделке кож, шитью одежды и обуви. На заре капитализма в бывшей столице нашего края – городе Темир-Хан-Шура возникли первые промышленные предприятия кожевенного профиля. Сегодня предпосылками для развития легкой промышленности на базе переработки своего животноводческого сырья можно считать множество специалистов, окончивших учебные заведения пушно-мехового профиля, наличие подобного отделения в нашем техническом университете. У нас изучены более двадцати растительных красителей, использовавшихся дагестанскими кожевенниками в прошлом, разработаны технологии крашения шубной овчины и мехового велюра в процессе дубления растительными таннидами.

На этот вид бизнеса в самом начале реформ

обратило внимание руководство республики, которое совместно с коммерческими структурами инициировало строительство шерстеперерабатывающего и кожевенного предприятия ОАО «Адам Интернэшнл». Однако создается впечатление, что это монопольное по сути предприятие, как и мелкие кустарные промыслы в Хасавюрте и Кизилюрте, занялось преимущественно вывозом закупаемого у нас по низким ценам кожевенного сырья и шерсти за пределы республики. Наше сырье, а вместе с ним и доходы, которые могли бы получать дагестанцы, «уплывают» в другие регионы России, а в основном – в Азербайджан, Турцию или Италию, чтобы вернуться в виде обуви, одежды или кожи, но уже на несколько порядков дороже. Необработанную овчину или шкуру продают по цене 30-40 рублей, а после выделки ее, например, в так называемых «лакских обувных мастерских» ее покупают уже раз в 20 дороже. Что способствует удорожанию «лакской обуви», но и в этих условиях она успешно конкурирует даже на московском рынке.

Что-то надо делать. Хотя кожевенное дело требует высокой квалификации, и потому оно высокозатратное, прибыль не превышает 10-12 процентов. Зато, согласитесь, этот промысел традиционный и стабильно надежный для Дагестана, основной отраслью которого является скотоводство.

РУНО – НЕ ЗОЛОТОЕ

Не случайно в древнегреческой мифологии слово «руно» употребляется в сочетании со словом «золотое». Ездить за шерстью куда-либо дагестанцам не приходится, у нас много и тонкорунной, и полутонкорунной, и грубой, в республике овцеводы ежегодно производят ее от 13 до 15 тысяч тонн. Много это или мало, судите сами, если, как сказал с гордостью знакомый чабан, из нее можно одеть жителей всего южного федерального округа.

И это «золотое руно» остается невостребованным отечественной промышленностью и потому продается крестьянами по бросовым ценам, килограмм шерсти реализуется на рынке порою дешевле литровой бутылки с минеральной водой.

Удивительное, что ни говори, мышление у наших земляков. Например, хлопководством, которое для Дагестана является нетрадиционной и убыточной отраслью, в северных районах республики пытались заниматься. У нас в течение десятилетий успешно работало мощное предприятие – фабрика имени III интернационала, которая изготавливала пряжу и ткани из завозимого из Средней Азии хлопка. С распадом СССР эта далекая от рыночных законов идиллия прекратилась, а территорию фабрики распределили под застройку. А шерсть – вот она, сколько душе угодно, и дешева. Но никто не ткет из нее ткани, не изготавливает хотя бы матрасы и одеяла. Огромные массы сырья гниют в сырых подвалах и хлевах овцеводов, другая часть реализуется по бросовым ценам и уходит то ли в Невинномысск, то ли в те же Азербайджан и Турцию. ОАО «Адам Интернэшнл» тоже специализируется на вывозе сырья, а не на его переработке.

В связи с отсутствием спроса производство шерсти, являвшееся на протяжении веков прибыльной отраслью овцеводства, стало убыточным, да так, что понадобились срочные меры федерального и республиканского уровня по его поддержке. Минсельхоз РФ то вводит, то отменяет (из-за того, что к благому делу то и дело примазываются корыстолюбцы) ежегодные субсидии на каждую овцематку в пределах от 50 до 120 рублей. Правительство Дагестана ежегодно тоже тратит солидные бюджетные средства на оплату перевозки скота с зимних пастбищ на летние и обратно. А спасти отрасль можно куда более надежнее, обеспечив спрос на шерсть.

Запомнился эпизод из прошлогоднего визита президента РД Муху Алиева и министра сельского хозяйства РФ Алексея Гордеева в Дербент, где высокие гости изучали целесообразность включения виноградарства в число направлений национального проекта «Развитие АПК». На пресс-конференции был задан не имеющий отношения к обсуждаемой теме, но важный для Дагестана вопрос, как обеспечить спрос на шерсть. Оба руководителя сошлись во мнении, что отечественный рынок надо защищать, в том числе и введя ограничения на ввоз шерсти из Новой Зеландии и Австралии.

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ…

Реформы сельскохозяйственного производства вывели Дагестан на первое место в России по производству овощей, для которого характерна высокая доля затрат ручного труда. Ежегодно у нас выращивается 800 тысяч и более

тонн богатой витаминами продукции – огурцы, помидоры, капуста и т.д. Даже Московская, Ростовская области, Краснодарский край, которые раньше лидировали в этой отрасли, до таких масштабов не дотягивают. Хотя по урожайности гектара овощных плантаций добрая дюжина российских регионов, находящихся в гораздо худших природно-климатических условиях, опережают дагестанцев. Однако и у нас приобретается опыт и сноровка, которые позволяют отдельным хозяйствам Дербентского, Левашинского и ряда других районов получать по 400 и более центнеров овощей с каждого гектара. Если при советской власти и в начале реформенных лет большая часть картофеля – «второго хлеба» завозилась в республику из Белоруссии, ряда регионов Центральной России и Урала, то в последние годы его валовой сбор то и дело зашкаливает за 300 тысяч тонн и теперь нашу картошку нередко продают на базарах Ставрополя, Элисты и Астрахани.

Дагестан все еще далек от осуществления мечты превратиться в цветущий сад. Мешают как суровые в горах природно-климатические условия, где рискованным садоводством занимаются только в узких речных долинах, так и бережливость по отношению к поливному клину земли в Прикаспийской низменности. Тем не менее, в нашей республике ежегодно выращивают от 70 до 100 тысяч тонн фруктов.

Словом, овощей, картофеля и плодов в нашей республике производится больше, чем грубых кормов для скота, – в пределах 1,2 млн. тонн. Но из столь внушительной массы в прошлом году переработано в консервы всего около девяти тысяч тонн – менее одного процента. Фруктовых и овощных консервов произведено всего-навсего 20 тысяч условных банок (туб), то есть в три раза меньше того, что ежегодно вырабатывали в дореформенном периоде на одном лишь Буйнакском консервном заводе. Или в целом это в 21 раз меньше прежних объемов. Показатели по переработке плодоовощного сырья столь низко, как в 2006 году, опускались лишь в кризисном 1998 году.

Удивителен и такой факт. До недавнего времени, в том числе и усилиями федерального правительства, в Дагестане при абсолютном отсутствии сырья – свеклы – строили сахарный завод. Никак не успокаиваются инициаторы и «проекта» рисоперерабатывающего завода большой мощности, хотя в нашем крае валовые сборы риса крайне незначительны – в последние годы около 20 тысяч тонн. Странно, что подобного рвения не наблюдается в создании мощного современного производства по переработке плодоовощного сырья, которого у нас хоть завались. Видимо, была надежда, что директоры существующих консервных заводов, превратившись из государственных управленцев в хозяев, активизируют свои усилия для получения хорошей прибыли. Но складывается впечатление, что новым хозяевам не удалось перестроить собственное мышление, вписаться в современный рынок.

Экологически чистое сырье, неповторимые вкусовые качества дагестанских плодов и овощей, сохранившиеся инженерно-технологические кадры позволяют продукции наших консервных заводов завоевывать престижные награды Всероссийского выставочного центра, других региональных и международных выставок. Так случилось и в дни «Зеленой недели» в Германии. А дома у нас не получается пока даже торговать собственной продукцией. Например, проходя по «Цумадинскому рынку» в Махачкале, обратил внимание на красивые полулитровые бутылки с абрикосовым соком производства Харахинского и Гоцатлинского заводов из Хунзахского района по цене соответственно 7 и 12 рублей. Захотелось попробовать. Но отпугнуло, что в душном контейнере бутылки были теплыми. А у выхода предприимчивая девушка продавала по той же цене чуть сладкую газированную воду, но зато холодную.

Такая вот неувязка. Поздним летом и осенью дагестанцы наедаются впрок абрикосами, яблоками, грушами и другими фруктами, с удовольствием «хрустят» огурцами, капустой и другими овощами, потому что зимой, весной и ранним летом завозимые из других регионов России плодовые и овощные консервы дороги.

Программа экономического и социального развития республики предусматривает решение огромной задачи – увеличить производство плодоовощных консервов с 28,5 туб в 2003 году до 150 туб в 2010-м, создание 3,5 тысяч дополнительных рабочих мест и много чего еще. Но за минувшие три года, показатели, с которых начинали, снизились почти на треть. Тогда как в самом выращивании

овощей и фруктов мы уверенно приближаемся соответственно к 1 млн. тонн и 150 млн. тонн. Удивительно, почему «спали» консервщики?

Правительством республики сегодня начата работа по преодолению этого перекоса. Например, Магомед Гаждидадаев с удовлетворением демонстрирует протокол совещания у премьер-министра об осуществлении кредитования Буйнакского консервного завода через «Россельхозбанк». На средства акционеров и взятые в долг деньги им построены новые цеха, которые оснащены современным оборудованием. «Помощь кредитными средствами позволит предприятию возобновить работу через два-три месяца, – говорит он. – К сожалению, нынешний фруктовый сезон придется упустить, но с ноября-декабря запустим оборудование. Начнем с переработки капусты, мяса, есть и припасы полуфабрикатов – пюре абрикосовое, алычовое, яблочное, тыквенное, что позволит работать в течение зимы и весны. Главная загвоздка с кадрами. Людей можно вернуть не посулами, а гарантировав лучшие условия. Прежних объемов сразу вряд ли достигнем, но от 5 до 10 туб осилим».

Думаю, что можно создать и сельскохозяйственные кооперативы, объединив в них усилия и финансовые средства как переработчиков, так и производителей сырья.

МОЖЕМ, ЕСЛИ ЗАХОТИМ…

Полного цикла переработки винограда в нашей республике не было даже тогда, когда его плантации занимали 68 тысяч гектаров, а его валовой сбор приближался к 400 тысячам тонн. Столовый виноград отгружали железнодорожными вагонами в центральные регионы страны, а коньяки из дагестанского сырья разливались в основном в Ленинграде.

В начале третьего тысячелетия республика повернулась лицом к отрасли, причем обращалось внимание не только на расширение площадей под плантациями, но и обеспечение переработки урожая на местных винзаводах. Была создана государственная структура «Дагвино», которая целеустремленно направляет усилия на развитие и виноградарства и виноделия, образно говоря, в одной упряжке. Среднегодовое производство гроздьев увеличилось с 64,5 тысяч тонн в 2002 году до 118,4 тысяч тонн в 2006-м, а средняя урожайность гектара почти удвоилась. Около 80 процентов сырья перерабатывается на винзаводах, со всей очевидностью доказывая возможность полного освоения сырьевых ресурсов.

Эти усилия обходятся бюджету недешево. Республика помогает виноградарям, выделяя бесплатно саженцы, шпалеру, проволоку, ядохимикаты, а винзаводы заключают с виноградарями гарантированные договоры на прием и переработку сырья по сходным ценам. Причем, когда этого требуют интересы дела, виноградарям выдают аванс. А с недавних пор виноградари могут получать долгосрочные, до 8 лет, кредиты, проценты за использование которых субсидирует государство.

Да, финансовые затраты велики, но мы сегодня имеем виноградно-винодельческую отрасль, обретшую право называться «бюджетообразующей». Сегодня с прибылью работают несколько десятков виноградарческих хозяйств, которые обеспечивают благополучие десяткам тысяч жителей Каякентского, Дербентского, Карабудахкентского и некоторых других районов республики.

ВЫВОД

А что, если те же методы, которыми пользуются в развитии виноградно-винодельческой отрасли, применять и для переработки овощей, фруктов, кожсырья, шерсти?

Магомед ГАЗАЛИЕВ

ФЕРМЕРЫ ИЗ АНДЫХА: ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ...

Село Андых расположено в горах у подножья одной из гряд Богосского массива, названного в официальной печати «Зоногох» (кстати, сами жители не знают такого названия), на высоте 1754 м над уровнем моря. Здесь причудливо сочетается суровый климат альпийского высокогорья с мягкой и умеренно-теплой погодой, характерной для долин Дагестана. Этим объясняется распространенное в народе название села «Боххьиндаллъи» (буквально «одной ногой в теплой долине»). Оно вполне оправдано, так как в самые снежные зимы долина речки Андыхки и ее окрестности лишены снежного покрова и служат отличными пастбищами для зимнего содержания скота.

А ранней весной в этой долине, тянущейся от самого Аварского Койсу вплоть до селения, буйно расцветают абрикосы, персики, сливы, вишни, груши и другие теплолюбивые фруктовые деревья.

У самого селения долина становится шире, сливается с пашнями и пастбищами, простираясь до самой границы с соседним селом Куаниб. Писатель Муса Магомедов назвал ее Арутлинской долиной. Вот как описывает ее мастер: «Все долины хороши у нас в Дагестане, но Арутлинская, расположенная всего в нескольких сотнях метров от аула Андых, особенно красива. Огромной зеленой чашей лежит она между седых от времени утесов, и куда ни повернись, края ее всегда утопают в синеватой дымке. Когда солнце встает, золотятся горы на одном конце долины, а когда оно садится, огнем вспыхивают каменистые вершины на другом».

По рассказам аксакалов, до коллективизации в этой благодатной долине было около 50 хуторов. В середине зимы, где-то в начале февраля, хуторяне со своей скотиной и прочей живностью переселялись в эти свои усадьбы и жили здесь до самой осени. Почти каждое хозяйство имело свой садовый участок. Ухаживали за скотиной, выращивали кукурузу, овощные, бахчевые. А летом собирали абрикосы и их разновидность-курагу, сушили их на солнце. В свежем виде часть фруктов везли на обмен в села Тляратинского и Цунтинского районов. Так и жили…

После коллективизации начался разгром хуторов. Хозяев насильно переселяли в село, насильно включали в состав колхозников, а усадьбы рушили, чтобы хозяева сюда не возвращались. Такой была политика… Несмотря на столь крутые меры, некоторые, кто жил подальше от села, цепко держались за свои владения: справиться с ними так и не смогли.

Они и начали первыми возрождать свои хутора. Существенным образом изменило ситуацию строительство новой автодороги по самой долине – до трассы Махачкала-Хебда. Теперь на хутор можно ездить на собственном транспорте, вечером возвращаться домой. Такие ныне наступили времена...

Внуки и правнуки бывших дореволюционных хуторян ныне обустраивают свои хозяйства: пасут скот, сажают новые сорта фруктовых. Вот мои встречи с некоторыми из них.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

У самой Большой реки (так аульчане называют Аварское Койсу) простирается исконная андыхская земля – Хазар-майдан. В 50-е годы колхоз посадил здесь неплохой сад, задумано было открыть даже ферму. Но дальше этого не пошло. Потом все пришло в упадок: деревья высохли, крыша сарая провалилась. Остался бесхозный домишко, где некогда жил колхозный сторож. Здесь в летнее время от жары спасались коровы соседних сел, отбившиеся от стада. Казалось, никому нет дела до земли предков. И вот года четыре назад двое сельчан – оба **Магомеда – МАКСУДОВ** и **ОМАРДИБИРОВ**, которым больнее остальных было смотреть на это запустение, договорились вернуть былую славу Хазар-майдану. От слова – к делу. Закупили на свои деньги кое-какую технику: механический насос для подачи воды от реки для полива деревьев, две грузовые машины, приобрели саженцы, высадили их в низине и на склонах, отгородили, привели в порядок полуразвалившийся дом, построили хлев для скота и сарай. Возник сад на площади 4 га, отгородили участок на 10 сотках под огород, купили овец и несколько бычков. Словом, начали обживать эту благодатную землю.

Все шло хорошо, но тут кончились средства. Тогда наши фермеры вынуждены были обратиться к государству, благо, везде и всюду ратуют за новые формы хозяйствования, в частности, за возрождение заброшенных земель. Но фермеры что-то никак не могут ощутить эту помощь. Уже третий год хотят приобрести небольшой трансформатор (мимо их дома тянется линия электропередач, а они вечерами сидят при свете коптилок), и приобрести электронасос. Рассказывают, что еле стоят на ногах после работы с ручным насосом. Можно было построить и еще один сарай, накрыть крышу шифером, заменить забор из колючки металлической сеткой. Но нет средств. И получить льготный кредит никак не могут: такая бюрократическая преграда возникает, что руки опускаются. В банке требуют огромного залога, которым, естественно, наши фермеры не владеют.

При поддержке со стороны государства, говорят ребята, мы могли бы придать этой земле былой вид. А так боимся, как бы те деревья, которые с таким трудом поливаем ручным насосом, не засохли. И тогда вся наша работа пойдет насмарку.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

В километрах 3-4-х выше по речке возрождает свой дедовский хутор **Магомед НАБИЕВ.** Года два назад он, оставив приличную работу в городе, решил попробовать себя на новом для него поприще фермера. С помощью отца – мастера на все руки – заново выстроил усадьбу, накрыл дом шифером, обнес забором, построил хлев для бычков, которых сообща с сельчанами по очереди пасет на ближайших пастбищах. Старый дедовский сад, где росли абрикосовые, яблоневые, грушевые, сливовые деревья, увитые виноградной

лозой (кстати, виноград здешний слаще, чем растущий на равнине), давно пришел в негодность. От этих деревьев только пни и остались. Пришлось засучив рукава сажать новые. Есть и задумка: у водопада построить небольшую электростанцию. Можно было обеспечить тогда электроэнергией не только себя, но и соседей. Да вот оборудование, кроме устаревшего генератора, достать негде. И еще. Буквально в двух шагах от усадьбы Набиевых из-под земли бьет родник с соленой целебной водой. Раньше жители села лечили здесь разные хвори, особенно ревматические, и очень удачно. Приезжали сюда больные и со всей округи. «А не попробовать ли здесь построить небольшою лечебницу, – думает Магомед, – будет благодарность от людей».

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Напротив, на горке, в местечке Гухатль, взялись за переустройство усадеб предков еще двое андыхцев: **Магомед КУРБАНОВ** и **Магомед ОМАРОВ.** Последний два года работал чабаном в СПК, а теперь решил стать самостоятельным. На развалинах, что остались от дедовского хутора, построил овчарню, рядом – жилое помещение. Купил движок, так что можно и ночевать тут же. К овцам, полученным в качестве заработка за два года работы в СПК, прибавил купленных – около 50 голов, приобрел несколько бычков и начал хозяйствовать. Рядом бесснежные пастбища, недалеко речка: все условия для успеха налицо. Магомед думает возродить и отцовский сад. По преданию, именно на этой части хуторской земли получали самый вкусный и лечебный сорт белых абрикосов, прозванных в народе «Хасанил курак». Магомеду и ночью снится возрожденный им сад.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

А братьев Магомеда и Сулеймана Гунашевых в день моего посещения на месте не оказалось, никто меня, кроме охранявшей кошару сторожевой собаки, не встретил. Братья находились со своей отарой на пастбище. И это, заметьте, происходило еще в декабре прошлого года. В старину эти бесснежные и зимой пастбища со странным названием «Рохь» (буквально – лес, хотя там нет ни одного деревца) отдавали в аренду гидатлинским и келебским чабанам. Ведь на той стороне Аварского Койсу всю зиму лежит снег и негде пасти овец, тем более – крупный рогатый скот. Ныне же андыхцы пасут здесь круглый год свою скотину, благо есть где ее содержать и ночью и в непогоду.

...А братья под вечер вернулись с отарой домой. Я насчитал более 100 голов. Говорит Сулейман:

– Видя, что государство приветствует создание частных хозяйств, возрождение заброшенных некогда земель и хуторов, мы с братом в 2003 году решили на краю садового участка, некогда выделенного нашему дедушке джамаатом, построить кошару, наладить хозяйство. Привели в порядок сад, огородили его, организовали полив весной и осенью, посадили вместо ветхих и засохших деревьев новые. Словом, решили летом заниматься садоводством, а зимой содержать на ближних пастбищах овец и скот. Но оказалось, что тех средств, что копили несколько лет, недостаточно. Залезли в долги. Помощи ждать неоткуда. Надеемся на свои руки и головы. Правда, слышали, что выделяют беспроцентную ссуду для развития личного подсобного хозяйства. Надеемся получить ее.

И я надеюсь, что все мои собеседники станут крепко на ноги, и по их примеру десятки моих земляков примутся за возрождение земель предков. Иначе нам нельзя.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ НАУКИ?

Константин Яковлевич ЗАЧЕСОВ, давний и постоянный автор нашего журнала, выступает на его страницах в жанрах публицистики и поэзии. А недавно в Москве вышла его книжка «Очерки по интернациоведению (эскиз теории)». Название, скажем прямо, неожиданное. И вызывает вопросы.

– Прежде всего удивляет само понятие «интернациоведение». Наука об интернационализме? Но ведь такой науки не существует.

– Точнее, не существовало. Теперь, надеюсь, она возникла. Это действительно наука об интернационализме.

– В ней есть необходимость?

– Думаю, есть. В связи с кризисом марксизма-ленинизма и «деидеологизацией» мы утратили былые наши представления об интернационализме. А новых не обрели. В результате возникла массовая иллюзия, будто интернационализм у нас либо пропал, исчез, либо его у нас вообще на самом-то деле и не было, будто он просто идеологическая химера коммунистических времен. Но если бы это действительно было так, то мы, многонациональные, давным-давно самоистребились бы в межнациональных бойнях. Так что сам факт, что мы живем и здравствуем, может служить доказательством: интернационализм сохраняется! Правда, мы в массе своей перестали понимать, что это такое. А на этом фоне у нас махровым цветом расцвели разномастные националистические и шовинистические движения вплоть до фашизма. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот я и постарался доказать, что, во-первых, интернационализм у нас сохраняется, а во-вторых, его надо понимать по-новому. По-новому осмыслить, интерпретировать, постичь. Для этого и нужно «интернациоведение».

– Но приложимо ли к нему понятие «наука»?

– Все зависит от того, как понимать интернационализм. В моей книжке он понимается как такая ценностная система, которой руководствуются люди и в которой национальные ценности не занимают приоритетного положения, они подчинены каким-либо иным ценностям. Поэтому интернационализм многообразен, поливариантен, динамичен, располагает своими специфическими формами, закономерностями своего функционирования и исторического развития. Поэтому нам тем более нужна наука, которую я и предлагаю назвать «интернациоведение». А уж примет ее общественность или нет – покажет время. Кстати, эту новорожденную науку можно назвать и интернациологией. Суть не изменится.

– Почему ваша книга издана в Москве, а не здесь, где она была создана, в Махачкале?

– Я пытался предложить ее в Махачкале разным издательствам. И получил отказ. Почему – не знаю. Только после этого я направил рукопись в Москву.

– Вас там кто-либо поддерживает?

– Да. Российское Гуманистическое Общество и его журнал «Здравый смысл», в котором я публиковался. Что же касается этой книжки, то в ней проблемы гуманизма тоже затрагиваются.

– Над чем сейчас работаете?

– Над стихотворными детскими сказками. Некоторые из них ваш журнал уже публиковал. А целая рукописная книга таких сказок под названием «Сказки деда Всеведа» уже три года находится в издательстве «Эпоха», которое вроде бы собирается ее напечатать. Надеюсь, она не разделит судьбу «Очерков…». Я ведь сочинял ее прежде всего для дагестанских детишек.

– Удачи Вам!

Шамиль Алиев: О ГУМАННОСТИ ОРУЖИЯ И ВЫСТРАДАННОСТИ НАУКИ

Шамиль Алиев родом из селения Тануси Хунзахского района Дагестана, доктор технических наук по военной технике и вооружению ВМФ, профессор прикладной математики и вычислительной техники, лауреат премии Государственного комитета оборонных отраслей промышленности, основоположник теории аналитического проектирования подводных комплексов, главный научный редактор шеститомной энциклопедии «Торпедное оружие», с 2007 года – советник Главнокомандующего Военно-морским флотом России.

Редакция нашего журнала дважды встречалась с Шамилем Гимбатовичем Алиевым. Уже в первом его номере, вышедшем в августе 2002 года, было опубликовано интервью под заголовком «Шамиль Алиев: «Взрослые – это безнадежно запущенные люди. За исключением способных стать "детьми"». В феврале 2004 года была напечатана статья «Шамиль Алиев и копилка страны», рассказывающая о его вкладе в отечественную науку, в частности – развитие обороноспособности России. И вот третья встреча, поскольку замечательный дагестанский ученый продолжает интенсивно работать, его разработки продолжают обогащать науку и укреплять Вооруженные Силы РФ, пройти мимо чего невозможно. И, несомненно, такие встречи будут происходить и впредь: ведь жизнь не стоит на месте. А в этот раз поводом послужили два выступления Шамиля Алиева: в марте этого года – в газете Российской академии наук «Поиск» и в июле – в газете Южного Федерального округа «Южный репортер», – в которых высказывался ряд интересных идей. Ну как их не представить на суд дагестанского читателя!

– Вот вы говорите об обострении конкурентной борьбы между странами за доступ к природным ресурсам, находящимся под дном морей и океанов. Недавний поход российского ледокола к Северному полюсу и установление государственного флага на дне океана свидетельствует об этом?

– Да. И выиграть эту борьбу можно, лишь располагая мощным военно-морским флотом. Поэтому следует ожидать в ближайшем будущем его бурного развития, в том числе и прежде всего – подводных лодок, а в качестве их основного оружия – торпед. Ведь кто побеждает в борьбе? Побеждает сильный, а силу государству придает современное оружие. И оно совсем не для того, чтобы его обязательно применять, но для того, чтобы конкурент, тем более если он неправомерный и агрессивный, понимал, что всякое применение силы с его стороны вызовет адекватный ответ, причем еще более разрушительный.

– Вы отметаете сомнения, что публикация ваших работ в открытой печати может содействовать раскрытию государственных секретов. На чем основывается ваше убеждение?

– Наука сегодня так далеко шагнула вперед, что появление новой теории в узкой области знаний не дает возможности молниеносно применить ее на практике. Потребуются долгие и кропотливые исследования в сопредельных областях, должен быть задействован многоступенчатый и тонкий вычислительный механизм, который сам по себе предполагает теоретическую разработку, на что уйдут годы и годы. К тому времени появятся новые идеи, и будут определяться следующие шаги по их практическому применению.

– Вы говорите также, что лет через 20 могут появиться подводные корабли-арсеналы, вооруженные мощными ракетами численностью до нескольких тысяч. Чем это диктуется?

– Тем, о чем шла речь – обострением конкуренции за обладание богатствами мирового океана. В Америке, кстати, уже имеется проект такого подводного корабля. И нам негоже отставать. Начнется гонка и в создании беспилотных летательных аппаратов, следящих систем, новых видов противолодочного оружия, различных видов торпед. Кстати, до сих пор только в России создаются самые высокоскоростные торпеды, а технический их макет был изготовлен у нас, в Дагестане, еще 50 лет назад.

– Затрагивается тема возможного подводного терроризма. Насколько эта проблема актуальна?

– Вы поймете это, если скажу, что уже появились сверхмалогабаритные подводные аппараты весом от 500 граммов до 2 килограммов, а иногда и размером в шариковую ручку. Такую малютку может запустить простой водолаз и уберечься от нее большой подлодке или какому-либо другому объекту будет достаточно сложно. А поскольку борьба с терроризмом не идет на убыль, то цивилизованному миру следует побеспокоиться, чтобы он, терроризм, не стал еще и подводным. Ученые разных стран уже объединяют свои усилия с этой целью. В прошлом году я в составе российской делегации побывал в Вашингтоне, Сан-Франциско, других городах США. Мы осмотрели новые надводные корабли, подлодки, побывали на военных заводах, познакомились с работами американских коллег в военно-морской области. Замечательно, что шпиономания постепенно сходит на нет. И это не противоречит тезису о конкурентной борьбе. Как говорится, мухи отдельно, котлеты отдельно. Перед общей угрозой целесообразно объединение научных изысканий.

– Насколько это дорого – изготовить современную торпеду?

– Конкретную цифру назвать трудно, но, например, тяжелая торпеда МК-48 обошлась американским налогоплательщикам примерно в 500 миллионов долларов, а на торпеду МК-50 затраты составили более 700 миллионов.

Современное оружие – дорогое удовольствие. Слово «удовольствие» произношу не случайно. Ибо наличие мощного современного оружия, как я уже говорил, предназначено априори не для ведения войны, а чтобы предотвратить ее начало возможным агрессором. Ну уж если он ее начал, то получит той же монетой, и желательно потяжелее.

– Война умных машин – еще одна тема. Это серьезно?

– А умные машины уже воюют, хотя они находятся пока в зачаточном состоянии. Но людей уже подменяют. Например, подводные или космические системы, которые, тем не менее, требуют значительного совершенствования, хотя бы для защиты от компьютерного вмешательства извне. Таким образом, возвращаясь к уже сказанному, конкуренция, назовите ее даже враждой, способствует техническому прогрессу.

– Способен ли он предоставить цивилизации совершенный инструмент для нейтрализации террористов-боевиков?

– Есть такое новое направление в науке – нейролингвистическое программирование. Оно предполагает исследование поведения человека и попытку дистанционно на него воздействовать. Если боевик будет знать, что существует система, которая по составу, предположим, его крови или слюны определяет его физиологические особенности и направляет сигнал, оказывающий на него воздействие на ферментном уровне, который будет угнетать его и лишать воли, то, возможно, он прекратит свое безумное занятие. А если не прекратит, то станет легкой добычей закона или придумает некое свое противоядие. И тогда противостояние продолжится. Вот еще одно не самое «вкусное» подтверждение того, что жестокость, безумие, агрессия способствуют, по Канту, рождению новых идей. Что приводит к парадоксальному вроде выводу: разработка человечеством новых видов оружия является более гуманной акцией, чем работа чистых гуманитариев. И действительно, на первый взгляд, это так. Однако разделение наук на гуманитарные и точные более чем условно. Чем выше степень абстрактности науки, тем ярче ее внутренняя выстраданность и тем яснее просветленная сила мысли, ее гуманитарность. Музыка в свое время была разделом математики, ее преподавали на математических факультетах, ведь один звук от другого отличается лишь числом колебаний, потом оказалось, что она выше логики, и стала жить своей жизнью. Гуманитарность очень сильно связана с силой мысли и влиянием этой силы – внутренне свободной – на прогресс. В этом смысле точные науки в силу своего внутреннего совершенства, конечно же, не уступают в гуманитарности описательным. Не претендуя на полноту, я бы назвал точные науки внутренне гуманитарными, а описательные – внешне гуманитарными. Для первых характерен многовременной внутренний анализ, для вторых – больше внешнее оправдание.

– Неожиданная трактовка проблемы, хотя, помнится, недавние идейные противники говорили, что атомная бомба предохранила нас от третьей мировой войны. В недавнем «Морском салоне», который прошел в Петербурге, демонстрировалось нечто этакое?

– Нет. Но зато все зарубежные участники салона увидели, чем располагает и над чем работает наша страна. И задумались не только над тем, что закупать в России, но и над тем,

стоит ли с ней находиться по разные стороны баррикад. Для сегодняшнего мира с форсажной формой развития энергетики и вооружения характерна молчаливая демонстрация своей военной мощи. Мир не может не удивляться «Русским витязям», их фантастическому полету. Конечно же, мы летаем так – не просто так. Демонстрируя их, мы показываем то, что еще никому не видно. Сегодня основная ставка военно-политической доктрины любой развитой страны – это «война умных машин». Бортовые компьютеры и сервер-программы, укомплектованные ими разные объекты под водой, над водой, в воздухе и космосе составляют мощнейший блок динамической системы своей страны, призванный наилучшим образом справиться со всеми функциями в процессе исследований. На «Морском салоне» ставилась и будет ставиться задача завоевать и сохранить на мировом рынке вооружения свое присутствие, и даже господство. Ну и, конечно, показать себя и посмотреть на других.

– И последний вопрос. Знаю, что недавно к вам обратились из Гаагского международного суда с просьбой определить методику, которая позволила бы начертить траекторию полета пули, поразившую тело человека. Как вы отреагируете на нее?

– На конференции, посвященной столетию Гаагской конвенции, был доклад «О математическом моделировании движения пули в преграде». Министерство юстиции России, чтобы принять решение по этому докладу, просит рецензию. Я получил письмо с фотографией пули в теле человека и фразой: «Я большой ваш поклонник. Слежу за вашими выступлениями, ваши мысли, подходы к проблемам очень похожи на мнения моих учителей, но они все умерли». И меня просят помочь рецензией-мнением. И это нормально, когда на профессиональной основе устанавливаются контакты.

В заключение хочу сказать, что вообще производители боеприпасов и оружия исходили из того, что максимальное количество раненых должно выздороветь – не век же воевать, завтра будет мир. Кому нужно огромное количество калек на дружественной сопредельной территории, которые будут с ненавистью думать о вас? Это время принятия на вооружение винтовки Мосина в России, время создания первых пулеметов. Сейчас все это звучит смешно. Это было время, когда еще брали пленных и хорошо с ними обращались. Когда топили судно, то экипаж и пассажиров доставляли в ближайший порт. Офицеры дрались на дуэлях и бить (добивать) упавшего считалось бесчестием. Именно тогда было определено: чтобы боец прекратил вооруженное сопротивление, ему необходимо нанести некое увечье, получив которое человек прекращает участвовать в бою. Определено, что повреждения эквивалентны затратам пулей кинетической энергии. Определено, что достаточно пуле потерять в теле человека 250-350 джоулей. Этот критерий и сегодня является определяющим при отнесении оружия к огнестрельному. Определяя энергию, эксперт приходит к выводу, что перед ним огнестрельное оружие.

– Спасибо за обстоятельную беседу и надеюсь, что наши читатели и впредь будут в курсе ваших научных интересов.

– Договорились.

Беседовал
Далгат АХМЕДХАНОВ

ДВА КРЫЛА ОБРАЗОВАНИЯ

Еще в девятнадцатом веке член Петербургской Академии наук Петр Карлович Услар считал: «…если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся люди, которые учат детей читать и писать. Можно сказать, что в Дагестане нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия не обучалось бы арабскому языку от трех до пятнадцати и более учеников…».

После присоединения Дагестана к России здесь началось обучение и на русском языке. Наряду с русскими школами у нас в начале XX века существовали религиозные школы. Помимо мусульманских были также горско-еврейские школы при синагогах и церковно-приходские школы при православных церквах. К концу 1913 года в Дагестане существовало 766 мусульманских школ-медресе с 6727 учащимися. Были проведены и реформы. Суть их заключалась в том, что в мусульманских школах вводилось преподавание и светских дисциплин. Также школы получили название «новометодных». Неоценимый вклад в развитие образования в Дагестане внесли такие просветители, как Абусупян Акаев, Мухаммад-Мирза Мавраев. Такую тенденцию развития религиозных и светских наук оборвал октябрьский переворот.

Сегодня возрождаются былые традиции, что подтверждается созданием исламских учебных заведений. Последним шагом в синкретичном развитии религиозного и светского образования в Дагестане явилось создание Северокавказского университетского центра исламского образования и науки. О том, что он собой представляет, корреспондент журнала беседует с ректором Института теологии и религиоведения Максуд-хаджи САДИКОВЫМ.

– Что послужило причиной создания такого центра именно в Дагестане?

– Важно отметить, что идея его создания поддержана федеральной властью. Потому что религиозное образование – это не только удовлетворение интересов верующих, но и обеспечение безопасности государства. В интересах общества обезопасить себя от ложных идеологических – псевдорелигиозных – суррогатов. Для этого необходимо, чтобы гражданин знал, что является истинной религией, и что ею не является. Если он будет разборчив в этом, ему станет легче и лучше жить. Сегодня лишь небольшая часть населения знает, что такое истинная религия, а что такое – сектантство, экстремизм. При содействии аппарата Президента РФ создан «Фонд поддержки исламского образования, науки и культуры». Мы планируем встречу с руководством республики. Цель ее – поиск точек приложения общих сил.

– Каковы конкретные задачи Центра?

– Это подготовка священнослужителей и исламских теологов, повышение квалификации и пере-

подготовка имамов, выпускников религиозных учебных заведений. Центр будет заниматься также повышением квалификации и переподготовкой государственных служащих, преподавателей государственных образовательных учреждений, которые будут преподавать религиозные дисциплины, будет создан отдел по аттестации преподавателей исламских учебных заведений.

– Насколько, по вашему мнению, идея создания Центра приветствуется в различных кругах, как религиозных, так и светских?

– Всегда и по любому вопросу существуют различные мнения. Специалисты, работающие в области религии и госструктур, почти все считают это очень важным и полезным шагом. Но есть люди, которые не согласны с таким мнением. В частности, есть представители учебных заведений, в том числе и религиозных, которые думают, что в связи с созданием Центра их могут закрыть. Не вижу в этом смысла. Если имеются правонарушения, об этом заботятся судебные органы. Напротив, Центр может оказать им помощь – методическую, программную, организационную, если они того пожелают. А некоторые представители светских структур считают, что наращивание религиозного образования, мол, опасно. Так думают люди, которые «начинены» атеистической идеологией.

Особенность нашего Центра также в том, что он представляет собой ассоциативную структуру. В его составе находятся самые крупные вузы региона по подготовке специалистов по религии: Северокавказский исламский университет в Махачкале, Институт теологии и религиоведения, Чеченский исламский институт, Ингушский исламский институт.

– Есть ли на территории России аналоги подобные Центру?

– Аналогов нет. Создание его в Махачкале – первый эксперимент. Но есть четыре Центра, созданные на базе единого вуза, – в Казани, в Уфе, в Москве и в Нальчике. Наш Центр будет работать на территории Дагестана, Чечни и Ингушетии.

– Планируется ли создание научно-исследовательского сектора?

– Мы подбираем для этого специалистов. Ведь мы должны выпускать учебную литературу религиозного содержания. Вся литература, выпускаемая другими Центрами, будет направляться в Дагестан на экспертное заключение. Только после этого она будет выпускаться в свет.

– Вероятно, у Центра будет особая структура?

– Так как он является симбиозом религиозного и светского начал, то и структура его будет учитывать эту особенность. Президент – алим Магди-хаджи Мутаилов. Вице-президент – доктор философских наук, кандидат экономических наук – Максуд-хаджи Садиков. Будет работать ученый совет, президентом его решено было избрать человека с религиозным образованием, а вице-президентом – человека, имеющего знания в сфере светского образования, это моя должность. Членами совета являются ученые из Дагестана, Чечни, Ингушетии.

– Интересно все-таки, как государственная власть мотивировала свою заинтересованность в создании такого Центра?

– Чиновники считают, что в России есть известные химики, физики, биологи, экономисты, так почему бы России не иметь своих известных теологов, которые могли бы работать не только в своем селе, городе, республике, крае, области, но и за границей, в частности, в европейских странах. Например, почему сфера религиозного исламского образования на Западе полностью занята представителями Пакистана? Чем хуже российские?! Поэтому мы делаем большой упор на язык, чтобы выпускник мог свободно владеть арабским, английским, не говоря уже о русском. Сегодняшний проповедник не может быть ограничен рамками одного региона. Мы смотрим на эту проблему шире. И государство тоже хочет готовить именно такого масштаба специалистов, и очень надеется на Дагестан.

– Верно ли, что в советское время почти не было кадров, компетентных как в религиозной так и в светской областях?

– Да, у наших алимов не было возможности учиться открыто. Они изучали науки тайно, в подвальных условиях, у отдельных богословов. Сегодня требовать от них светских знаний не нужно. Они имеют хорошее религиозное образование, и этого достаточно. Важно, чтобы они свои знания передавали другим, которые теперь будут получать и светские знания.

– Итак, ваша задача – предоставить им такую возможность…

– Да. Главный наш слушатель сегодня – светский, а светскому человеку нужно все объяснять на светском языке. Иначе проповедь не дойдет до него, как положено. Наша задача – адаптировать проповедника к различным слушателям. Это новая задача, перед которой стоит и общество и государство. Религиозный человек должен быть всесторонне развитым. У образования два крыла – светское и религиозное. Сегодня мы возрождаем наши истоки. Ведь Дагестан всегда являлся духовным, религиозным центром Ислама в России.

Беседовал
Сайпула ИСАЕВ

В нашей республике получают высшее образование немало иностранцев. В основном это индусы, сирийцы, иорданцы, киргизы, непальцы, палестинцы, азербайджанцы и казахи. В Дагестанской государственной медицинской академии, например, около 350 иностранных студентов. В Дагестанском государственном университете 53 иностранца на основных факультетах и 30 – на подготовительном. Поначалу они не владеют языком. В Центре международной довузовской подготовки за полгода изучают русский язык и дисциплины, необходимые для поступления в российский вуз. Выпускники Центра имеют все шансы поступить в любой вуз России.

Каково иностранцам учиться у нас, решила узнать корреспондент журнала у студента 5 курса Ананда КУМАРА, 4 курса Ризвана АХМАДА и абитуриентки Шифали КАПИЯР Дагестанской медакадемии.

ИЗ-ЗА РУБЕЖА – К НАМ НА УЧЕБУ

– Почему вы приехали именно в Махачкалу?

– (А.К.) Мой знакомый окончил здешний университет и посоветовал учиться именно здесь, потому что народ гостеприимный, учеба обходится дешевле, чем в Англии и других странах, да и вообще отношение в России к Индии хорошее.

– (Р.А.) Я поступил сюда потому, что, как мне говорили, эта медакадемия раньше славилась в России уровнем образования.

– Что вам здесь понравилось?

– (А.К.) Обычаи, которые соблюдают дагестанцы, ваше гостеприимство. Люди приглашают к себе домой, в том числе и приезжать в села, и очень хорошо принимают.

– (Ш.К.) У вас красивые девушки, они очень отличаются от наших.

– (Р.А.) А мне нравится море, ради этого стоит здесь жить.

– А что вам не понравилось?

– (А.К.) То, что мужчины не уважают женщин. Женщины работают, кормят детей, а мужчины развлекаются и… не знаю, как сказать… портят их. У вас много разведенных. Мужчины не думают, что то, как они обращаются с женщинами, может произойти и с их родственницами. Мужчины у вас не доверяют женам. Раньше я часто ходил в один магазин и муж продавщицы обвинил ее в том, что я так часто прихожу из-за нее. После этого я перестал ходить в тот магазин. По-моему, такая ревность губит людей.

– (Р.А.) Я пока с тем, что бы мне не понравилось, не сталкивался.

– (Ш.К.) Мне не нравятся жилищные ус-

ловия, в которых мы живем. В комнатах общежития очень тесно.

– Вы носите в Махачкале национальную одежду?

– (Ш.К.) На занятия мы ходим в обычной одежде, а после них в городе ходим в национальной. В сари не очень удобно ходить на занятия, ведь мы постоянно куда-то торопимся.

– Есть ли в Дагестане что-либо схожее с Индией?

– (А.К.) Наши села схожи ведением домашнего хозяйства. У нас тоже куры, коровы. У нас в селах тоже остаются одни старики. А мы, как и вы, летом ездим к бабушкам и дедушкам.

– А какие между нами и вами наиболее яркие различия?

– (А.К.) Ваша молодежь больше занимается спортом, а у нас вся молодежь погружена в учебу.

– (Р.А.) У нас в Индии все в дефиците: продукты, одежда, а предметы домашнего обихода очень дороги. А у вас все доступно. И еще одно различие: у нас легче найти работу, чем здесь, где только за деньги можно устроиться на работу. Я подрабатываю санитаром. Несмотря на то, что я хороший работник и меня постоянно хвалят, мне предложили работать, только если заплачу немалые деньги.

– Вы испытываете сейчас какие-либо трудности?

– (Р.А.) Серьезных вроде бы нет. Разве что мешает предвзятое отношение отдельных невоспитанных людей. А когда возникают материальные трудности, родители высылают нам деньги.

– (А.К.) Единственная трудность или, скорее, неприятность для меня – это плохое отношение отдельных лиц к иностранцам. Я их называю дикарями. Они его демонстрируют не только нам, но и вам тоже, особенно, когда вы с иностранцами. Они могут бросить вслед неприятное слово. Если я в обществе девушки-дагестанки, вашим парням приходят в голову дурные мысли, обязательно кто-нибудь скажет нечто этакое вслед. Однажды я шел с девушкой и услышал, как двое парней что-то сказали друг другу, на что моя знакомая что-то им ответила. Я спросил, о чем они говорили, и она сказала, что они предположили, будто я нанял ее. И она им на это ответила. Бывает, что ваши ребята отбирают телефон у иностранного студента. Конечно, хотелось бы, чтобы таких людей совсем не было в Дагестане. Но если сравнить наше положение с положением студентов-иностранцев в других крупных городах России, то им, наверное, намного труднее. Ведь их избивают скинхеды, как вы знаете, бывают и случаи похуже.

Ананд КУМАР

Шифали КАПИЯР

Ризван АХМАД

– А со стороны преподавателей нет предвзятого отношения?

– (Р.А.) Нет. А если есть предвзятое отношение, то ко всем студентам, когда намеренно снижается отметка, чтобы получить деньги. Напротив, некоторые преподаватели относятся к нам лучше, чем к остальным. Хвалят нас за то, что хоть и плохо знаем язык, но в учебе успеваем.

– У вас не возникает желания остаться здесь после учебы?

– (Р.А.) Нет, потому что здесь нужно платить, чтобы устроиться на работу. И родителей я никогда не смогу оставить. А они родину ни за что не покинут.

– (Ш.К.) Есть еще одна причина, по которой мы не смогли бы остаться здесь – нам не разрешено жить после учебы в Дагестане.

– Как вы проводите летние каникулы?

– (А.К.) Почти все студенты на летние каникулы уезжают домой. Я был дома в прошлом году, поэтому решил в этом году остаться здесь, чтобы заодно подработать. Свободное время провожу у друзей-дагестанцев. В общежитии по этой причине ночую нечасто.

– (Р.А.) На летних каникулах я много гуляю, хожу на море, езжу в районы. Недавно был в Кайтагском. Очень понравилось, у вас очень хорошая природа. Хотелось бы, чтобы вы ее лучше оберегали.

Беседовала
Меран НАЗАРОВА

Борис Покровский: О таланте Ширвани Чалаева и хоровом пении

Покровский Борис Александрович – режиссер с мировым именем, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, в течение многих лет работал главным режиссером Большого театра, организатор и бессменный художественный руководитель Камерного Музыкального театра. После успешной премьеры оперы дагестанского композитора Ширвани Чалаева «Кровавая свадьба» в этом театре, у него взял интервью наш корреспондент в Москве Магомед АБДУЛХАБИРОВ.

– Почему именно в вашем театре поставлена «Кровавая свадьба»?

– Ширвани Чалаев давно знаком нашему коллективу. Мы неоднократно ставили его произведения и раньше. Материал, который он представлял нам, всегда был интересен. И тот, что он представил на этот раз, нам особенно дорог. Это то, что нас более всего волнует. Для меня дорого услышать то, что он говорит о своей родине; то, как он это говорит. Кроме того, он – человек большой культуры в самом широком толковании этого слова. Я могу говорить ему все, что я думаю о нем, о его творчестве, об окружающем нас мире… Я надеюсь, что и он со мной говорит так же откровенно на самые разные темы. Это и определяет тот сгусток дружеских отношений между композитором и театром. В этом залог и будущих хороших совестных работ театра и композитора.

Меня очень обрадовало, что Ширвани недавно написал оперу «Казаки» по произведению Льва Толстого. Мне хочется ее поставить в театре, но, к сожалению, я не всегда и не во всем силен. Мы ведь не вольные птицы. Мы не всегда ставим то, что нам хочется. Такова рыночность в искусстве. Ширвани, надеюсь, понимает реальность и отзовется на наши будущие обращения к его творчеству.

– В чем особенность «Кровавой свадьбы»?

– Радует национальность спектакля в благородном ее понимании. Она ощущается. Она слышится. Эта особенность таинственна, тонка и притягательна. И это несмотря на то, что исполнителями являются русские актеры. Они сумели подчиниться представлениям национальности. Я очень ценю это обстоятельство. И поэтому я дорожу этим спектаклем, который входит в разряд лучших постановок нашего театра. Он получил хорошую оценку и зрителей, и специалистов. Спектакль идет регулярно, он в репертуаре нашего театра. «Кровавая свадьба» – это опера на годы.

– Как вы пришли к тому, что опера начинается с пения самого Ширвани Чалаева на лакском языке?

– Во время репетиции Ширвани сам показывал, как, на его взгляд, надо это делать. И тогда один из режиссеров заметил: «Да он сам сможет это хорошо исполнить…». И мы не ошиблись. Сразу же почувствовали правильную интонацию, которую невозможно повторить или исполнить в такой философской трагичности. Верно было найдено и музыкальное одухотворение произведения. «Запахло» другим народом, дорогим и трогательно обращающимся с моей душой. Это особенно важно в наше время, когда, извините меня, дикость и отверженность проявляются во взаимоотношениях людей только из-за того, что они – разной национальности или веры. В такие времена особенно ценна мудрость писателя, композитора, драматурга, чье творчество нужно не только театру, а всем нам, чтобы оставаться людьми. Успех этого спектакля объясним еще и тем, что мы все это поняли.

– Наблюдается ли совпадение испанского сюжета (Гарсиа Лорки) и кавказского композитора (Ширвани Чалаева) в темпераментах, характерах?

– Дело вовсе не в Испании, Кавказе, России, Германии или любой другой стране. Суть в общечеловеческих ценностях. Грустно, когда отношения людей строятся на основе национальных различий. Это какая-то зоологизация людей. Ширвани же создал одухотворенное произведение. И я не вижу в этом различий между Испанией, Италией, Россией, Германией или Дагестаном.

– Почему аэропорт был выбран сценой и декорацией постановки?

– Это продиктовано желанием сразу адресовать публике реальные события, не отвлекая ее внимание на пышные декорации, которые не несут в себе ярко выраженной смысловой нагрузки. На сцене обычные люди. Они вылетают и прилетают. Они ждут вылета или прилета. Таковы пассажиры во всех аэропортах

Борис ПОКРОВСКИЙ
Ширвани ЧАЛАЕВ

мира. Одни рады предстоящим встречам, другие огорчены расставанием с близкими. Такова жизнь. Аэропорт – центр эмоциональной возбужденности и отрешенности. Такова позиция постановщика спектакля Ивановой. И я с ней согласен.

– Каким образом подбирались для «Кровавой свадьбы» актеры?

– Это зависит от дирижера и режиссера, от директора театра. Спектакль-то очень ответственный и потому в нем должны были участвовать люди, осознающие эту ответственность. К примеру, провал в итальянской опере не станет трагедией. Но провальность постановки такой оперы НЕПРИЛИЧНА! И поэтому все старались на все сто. Постановка удалась.

– В чем, на ваш взгляд, особенность творчества дагестанского композитора?

– Он еще не до конца разгадан. Может, Ширвани с этим не согласится, может, он ясен для самого себя. Поэтому пусть лучше он сам скажет о себе. Тем более, будучи знаком с разными направлениями в музыке, ее национальными особенностями. Он же всегда остается самим собой, узнаваемым.

– Ваше отношение к современной попсе?

– Если вы отличаете легкомыслие и пустоту попсы от серьезной музыки, то вашему вкусу ничто не угрожает. Но я советую всем не тратить свое время на попсу. Меня-то злит другое – так называемая «современная режиссура классической музыки», а точнее – измывание современников над музыкой ушедших гениев. За «творчество» с ножницами и синтезаторами эти «композиторы» получают гонорары как за «свои» авторские произведения. Это не вежливо по отношению к культуре. Это глумление над музыкой и безобразие в ней. К примеру, автор посоветует актерам снять трусы и побегать по сцене. Скандал! Эпатажно! Успех гарантирован! Но художник никогда на это не пойдет.

– Кто для вас любимый композитор?

– Модест Мусоргский. Его музыкальная драма «Борис Годунов» – опера моего сердца с первой строки до последней. С малых лет я раб этого величайшего музыкального достижения человеческого духа. Были у меня хорошие отношения с Сергеем Прокофьевым – великим музыкальным новатором. Я первым ставил его оперы. С его позволения я позволял себе и некоторые вольности с его произведениями. Общение с ним было для меня личным счастьем.

– В чем, по-вашему, смысл жизни?

– Я вижу его в карьере. Не следует этого стесняться. Карьера расширяет возможности для служения людям и любимому делу. И не ради денег делают карьеру истинные художники. Не могу представить, чтобы Ширвани ходил по театрам, выклянчивая себе большие гонорары. Это уже был бы не Ширвани, а торговец. Хотя и среди них встречаются приличные люди, заинтересованные в развитии культуры. Но не они определяют дух, престиж и величие России.

– Если бы не музыкой, то чем бы вы в жизни занялись?

– Я ведь учился на рабфаке. Работал на химическом заводе, был солидным рабочим с особым пайком. Но недалеко от завода располагались и театры. Меня пускали в них. И я поступил в ГИТИС. А в возрасте 25 лет был назначен режиссером в Горьковский Театр оперы и балета, работал там в 1937-1943 годах. А затем был приглашен режиссером в 1943 году в Большой театр. В 1952-м стал главным режиссером этого крупнейшего в мире Академического театра оперы и балета. Я всегда старался быть нужным людям. В этом я вижу истинное счастье.

– Были ли вы в Дагестане?

– К сожалению, нет. Я мало ездил. Не хватало времени. Был занят работой. Да и денег не хватало на путешествия. Среди музыкантов не бывает богачей. Это – два разных измерения.

– Как бы вы охарактеризовали сущность оперной музыки?

– Музыка – это душа. Это разговор душ. Глазами можно узреть красоту женщины, картины… И это влияет на вас. И музыка влияет на человека. Опера же для меня – самое возвышенное искусство из всех искусств. И самое великое – по эмоциональному благородному воздействию на душу.

– Не поэтому ли в медицине сегодня развивается музыкотерапия?

– Не знаю об этом. Однако догадываюсь, что оболванивание молодежи в дискотеках – духовное преступление перед настоящим и будущим цивилизации. Так люди разучиваются не только читать Пушкина и Толстого, но и понимать Чайковского и Бетховена.

– И, наконец, что вырабатывает музыкальный вкус?

– Надо чаще слушать музыку классиков, заниматься пением. Хоровое пение раньше культивировалось во всех школах. Если поешь в хоре, то ты уже музыкант.

РОДНОЙ ЯЗЫК

МНОГОЯЗЫЧИЕ – НАШЕ БОГАТСТВО

Расул Гамзатов писал, что увидел себя во сне лежащим и умирающим «в полдневный жар в долине Дагестана» с ножом в груди. Спасла поэта родная речь «про хитрости какого-то Гасана, про глупости какого-то Али». И прозвучала его знаменитая фраза: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть».

Интересно, есть ли в Дагестане подобные патриоты родных языков? Или существует угроза их исчезновения? Об этом корреспондент журнала беседует с кандидатом исторических наук старшим научным сотрудником института ИАЭ ДНЦ РАН Магомедханом МАГОМЕДХАНОВЫМ.

– Какова сегодня ситуация в республике с национальными языками?

– Язык народа столь консервативен, что претерпевает изменения не сразу. Должно пройти несколько столетий, смениться немало поколений, чтобы изменения стали заметны. Речь, конечно, не об отдельных словах, они появляются и исчезают достаточно постоянно. В сравнении с другими регионами наша республика находится и в выгодной и в невыгодной ситуации. В процесс мировой урбанизации Дагестан включился значительно позже многих из них, что позволило ему сохранить языковый строй своих национальных языков в целости. Это позитивный момент. Но нельзя сказать, что с конца XIX века до развала СССР их языковая структура развивалась по нарастающей, хотя развитие национальных культур шло. Есть и другое обстоятельство, которое делает перспективу сохранения дагестанских языков не столь радужной. Посмотрите на карту Дагестана: от реки Самур до границ со Ставропольским краем сосредоточено две трети населения республики, и оно живет в совершенном смешении. Возникла среда, в которой мононациональные семьи представляют собой уже почти островки. Как мне однажды сказал коллега: «Город – это кладбище для национальных языков».

Я думаю, язык – это как каждый человек, как Божий дар. В мире шесть с половиной тысяч языков и каждый день исчезает по одному языку. Нужно ставить вопрос о том, что необходимо, чтобы дагестанцы лучше знали русский язык, осваивали зарубежные языки и превосходно владели родным языком.

– Но как бороться с теми, кто вроде уже и не хочет осваивать родной язык?

– Пусть борются борцы, а специалисты должны находить оптимальные решения. Например, ирландский язык считался самым депрессивным, который выходил из употребления, но теперь он постепенно возвращает себе коммуникативную среду. Что из этого факта следует? Если человек хочет знать язык, он выучит даже птичий. Надо чтобы у населения, желающего обучаться языкам, была такая возможность, и, прежде всего, обучать детей. К примеру, есть проблема плохого знания русского языка, но это проблема не языка, а образования. С национальными языками такая проблема, увы, ни на каком уровне не решается.

– Наблюдается ли сегодня в нашей стране исчезновение языков малочисленных народов?

– Пока я таковой угрозы не вижу, но если не принимать мер, если не обращать внимания на темпы происходящих в языковой среде перемен, то она может появиться.

– Поясните, каких именно перемен?

– Например, все говорят, что любят свой язык. Но когда спрашиваешь, почему же вы не разговариваете на родном языке, начинают винить наших президентов – Муху Алиева или Владимира Путина. А ведь язык существует только потому, что люди на нем разговаривают. Если хотите, чтобы язык исчез, перестаньте на нем говорить. Все зависит от людей, народа, а не от президентов стран. Это люди, мы с вами, должны не декларировать свою любовь к родному языку, а действовать.

– Но разве это культурно общаться на своем языке в присутствии не понимающего его человека?

– Конечно нет. Но остальные причины, якобы мешающие жизни родных языков, надуманны. Человек должен говорить на том языке, на котором ему удобно. Вот это культурно, а все остальное некультурно.

– Но в последнее время особенно в городском быту люди все меньше говорят на родных языках. Можно ли в таком случае говорить о низкой культуре дагестанцев?

– Конечно! Не говоря даже о повседневном быте, считаю, что все государственные служащие, тем более депутаты местных городских и районных собраний обязаны знать не только свой родной и русский языки, но и обязательно язык той коренной дагестанской народности, на территории которой он живет и работает.

– А сколькими языками владеете вы?

– Многими. Даже со счета сбился (смеется). Владею английским, арабским, турецким, французским. Из наших национальных языков, кроме родного аварского, еще арчинским, кумыкским, лакским, понимаю даргинский. Если попаду в Германию, то не пропаду, элементарные фразы на немецком знаю, хотя немецкий не изучал.

– В чем причина дагестанского многоязычия?

– Причина в праязыке, который существовал на этой территории 3000 лет до нашей эры, а затем стал дифференцироваться. В итоге мы имеем то, что имеем.

– А все ценят богатство, которым мы называем свое многоязычие? Что вы думаете по этому поводу?

– Если народ не обладает какими-либо замечательными свойствами, то он не интересен. Когда мы говорим о Дагестане, то мы, помимо прочего, интересны тем, что у нас много языков. И если человек говорит, что многоязычие для него – головная боль, то он не понимает, каким богатством обладает.

Беседовала
Диана АЛИЕВА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КАК ЕГО НАЙТИ?

Обращаюсь к вам с просьбой помочь разыскать врача, о котором года два или три назад писал ваш журнал. У меня возникли проблемы со здоровьем. Мои обращения к врачам не принесли облегчения, а самое главное – нет ясности с диагнозом. Специалисты-отоларингологи советуют то одно, то другое, но позитивных результатов нет. Между тем один из читателей вашего журнала сказал мне, что читал в нем о дагестанце, работающем врачом в Москве, специалисте высокой квалификации, предлагавшем землякам в случае необходимости свою помощь. Не могли бы прислать мне его адрес, сообщить, как его зовут. Заранее вам благодарен.

Сулейман ИСМАИЛОВ,
Ахтынский район

ХАСАН ДАВУДОВ ПРЕДЛАГАЕТ...

«Родной земли надежный представитель» – под таким заголовком в 4-м номере нашего журнала за 2004 год был опубликован материал о враче Хасане Шахмановиче Давудове. Это сын известного в нашей республике врача-отоларинголога Шахмана Давудовича Давудова, специалиста высочайшей квалификации. Сын пошел по стопам отца, и тоже достиг высот в своей сложной профессии. Сегодня он доктор медицины, работает профессором кафедры отоларингологии российского Университета Дружбы народов и заместителем директора Научно-клинического центра отоларингологии Министерства здравоохранения России. Консультирует и почти каждый день оперирует больных. Сообщаем эту информацию, поскольку со времени публикации получили по почте и телефону несколько обращений, подобных просьбе Сулеймана Исмаилова из Ахтынского района.

Отвечая на нее, перепечатываем опубликованное три года назад обращение Х. Ш. Давудова к своим землякам полностью, поскольку информация, содержащаяся в нем, остается в силе.

– Приезжая в Махачкалу, а я очень часто бываю дома, стараюсь быть полезным землякам. Всегда интересуюсь у коллег, есть ли больные, которым могу помочь. Бывает, прошу даже заблаговременно подготовить их к моему приезду, потому что знаю: в Махачкале нелегко найти специальные инструменты, да и накопленный мной опыт может быть востребован. У нас в Дагестане хорошая медицинская школа, много замечательных врачей всех направлений, но, думаю, не помешает ещё один с достаточно широким кругозором, неплохой выучки у специалистов с общероссийским и мировым именем, с многолетним собственным опытом и вооружённый, к тому же, набором весьма специфических инструментов. Готов работать сам, готов и посылать в республику при необходимости бригаду врачей из нашей клиники, специалистов высокой квалификации. К сожалению, в Дагестане существует немало проблем с лечением опухолевых заболеваний ЛОР-органов, а специалистов по столь узкому профилю нет. Однако такого тесного взаимодействия, о котором я говорю и о котором – без преувеличения – мечтаю, пока не получается. Но будем надеяться на будущее.

Хочу подчеркнуть: никаких материальных затрат моим пациентам-землякам производить не потребуется. Единственное, чем они должны быть вооружены, так это медицинским страховым полисом, который сегодня есть у каждого гражданина нашей страны. Только и всего. Готов принять любого дагестанца, которому потребуется моя помощь, и при его приезде в Москву. И пусть мои земляки не думают о деньгах, они им потребуются только на проезд. Нужен только полис. И ещё: пусть дорогие дагестанцы не беспокоятся о разных медицинских направлениях, справках и тому подобных бумагах, за которыми надо выстаивать очереди в чиновничьи кабинеты. Если есть история болезни, результаты анализов, захватите с собой. Нет – тоже не беда, осмотрим пациента на месте. И, если сможем, обязательно поможем. Со мною работают замечательные врачи: доцент Карен Акопян, доцент Ибрагим Нажмудинов, ассистент Юсуп Сулейманов, аспирант из Хасавюрта Гаджимурад Магомедов. Я перечисляю не только москвичей, но и земляков, которым помогаю проходить науку, которую прошёл сам.

Чтобы не быть голословным, вот как можно меня найти. Работаю я в 67-й городской больнице, в корпусе “А” на 5-м этаже. Проехать можно до станции метро “Полежаевская”, дальше на маршрутном такси. Но лучше заблаговременно созвониться по телефону, чтобы я был в городе. Мои телефоны: 8-(495)-199-75-71 и факс 8-(495)-199-88-37. Всегда к услугам дагестанцев. И пусть никто не расценивает мои слова как неуклюжую пиар-акцию. Они от чистого сердца.

СТАТИСТИКА

Мухидин МАГОМАЕВ,
Эльдар ЭЛЬДАРОВ

НАШЕ ЗДОРОВЬЕ – ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Анализ ежегодных сведений статистики показывает, что динамика основных показателей заболеваемости населения как Дагестана, так и России в целом, характеризуется весьма тревожными тенденциями. По количеству зарегистрированных больных на 1000 человек с диагнозом, установленным впервые в жизни, Дагестан к 2004 году стал опережать все остальные регионы Южного федерального округа, намного превысив общероссийский показатель. Такой рост не наблюдается ни в одном из других регионов Юга России. Напротив, в Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае имело место даже некоторое снижение этого показателя.

Что касается состояния здоровья населения России в целом, то средняя продолжительность жизни ее населения на 12 лет меньше, чем в США, на 8 лет меньше, чем в Польше, на 5 лет меньше, чем в Китае. Такая ситуация связана прежде всего с высокой преждевременной смертностью. При наблюдающемся в последние годы сокращении уровня детской смертности она, тем не менее, остается в полтора-два раза выше, чем в развитых странах.

Ухудшение здоровья дагестанцев происходило на фоне относительно благополучных демографических тенденций. Пореформенный период в республике охарактеризовался ростом численности постоянного населения. Если по итогам переписи 1989 года она составила 1802,2 тысяч человек, то в 2005 году – 2641 тысячу. За последнее десятилетие заметно снизился и общий показатель смертности дагестанского населения: с 7,5% в 1995 году до 5,5% в 2005, что является доброй тенденцией. Хотя в целом по Российской Федерации этот уровень вырос.

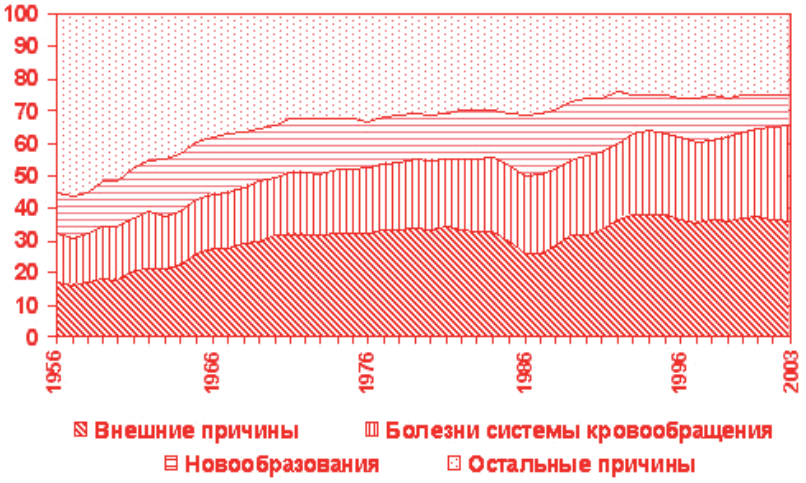
Увеличение численности дагестанцев обеспечивается в основном за счет естественного прироста, тогда как в целом по России – въездной миграции. Вместе с тем из года в год отмечается, хотя и незначительное, но стойкое снижение естественного прироста жителей нашей республики. В 1995 году показатель рождаемости у нас составлял 21,9%, а к 2005 году он снизился до 15,6%. А в целом по России показатель рождаемости населения вырос почти на 1%.

Весьма познавательно сравнить причины смертности в России и в развитых странах. Знакомство с нижеприводимой таблицей не может не приводить к определенным выводам.

Показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения в некоторых развитых странах мира

Страны	Годы	Всего умерших на 100 тыс. чел. населения	В том числе по основным классам причин смерти, в % к итогу						Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2003 г., число лет
			Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Несчастные случаи, убийства, самоубийства и др. внешние воздействия	
Россия	2004	1496	1,7	13,5	59,8	4,3	3,9	15,2	64,9
Великобритания	1997	503	0,8	30,2	43,4	15,9	4,4	5,3	78,4
Германия	1997	483	1,0	30,0	49,6	6,2	6,0	7,2	78,7
Италия	1995	434	0,6	33,4	45,9	6,3	5,9	7,9	80,1
Норвегия	1995	465	1,1	29,8	47,0	10,8	3,2	8,1	79,4
Франция	1996	399	1,6	36,9	33,7	8,0	6,4	13,4	79,5
Швеция	1996	422	0,9	29,1	50,1	8,2	3,7	8,0	80,2
Япония	1997	360	2,3	34,8	34,1	13,6	4,7	10,5	82,0
Канада	1997	414	1,1	34,3	41,2	10,1	4,2	9,1	80,0
Австралия	1995	428	1,1	32,6	46,1	8,4	3,5	8,3	80,3

А вот еще одна наглядная «картина» причин смертности в России. Нет необходимости в подробных комментариях для внимательного читателя.



Как видно из диаграммы, речь идет о глубоком затяжном кризисе, началом которого послужили не рыночные реформы, как иногда об этом утверждают современные исследователи. Особенно заметен рост показателей смертности россиян под воздействием внешних факторов. Некоторое кратковременное улучшение ситуации со смертностью в период 1986-1987 гг. – эффект от целенаправленной государственной политики по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Однако, как показывает мировой практический опыт, подобный эффект от жестких мер антиалкогольной политики всегда бывает непродолжительным.

Таким образом, особенностью современной российской структуры смертности населения является то, что чрезмерно велика вероятность умереть именно от тех причин, которые уносят жизнь сравнительно молодых людей. Вероятность погибнуть от внешних факторов (несчастные случаи, отравления и травмы) для мужчин в России выше, чем в передовых странах мира в 3,6 раза, для женщин – в 1,9 раза.

Считается, что на рост приводящих к смерти заболеваний повлияло духовное неблагополучие общества, нравственно-эмоциональный стресс, который в процессе рыночных реформ стал характерным не только для маргинальных семей – пьющих и нищенствующих, но и семей «новых русских». Однако в реальности причины гораздо многочисленней, и они в разных регионах неодинаковы. Наряду с качеством медицинского обслуживания к их числу относятся образ жизни, социально-психологический климат в семье и трудовом коллективе, медицинская грамотность населения, комфортность жилища, структура питания, преступность в обществе… С воздействием этих и целого ряда экологических факторов (особенности природно-климатических условий, качество питьевой воды, чистота воздуха, уровень радиационного загрязнения…) связано появление многих видов болезней, заканчивающихся смертью. Тревожно звучат утверждения экологов, что в настоящее время три четверти россиян проживают в отравленной окружающей среде.

Традиционной причиной низкого здоровья россиян является бедность. Более бедные люди, как правило, являются менее здоровыми и, наоборот, – плохое здоровье обычно служит причиной бедности. Хотя в последние годы наметилась тенденция улучшения социально-экономической ситуации в стране, явных положительных сдвигов в медико-демографической ситуации в Дагестане пока не наблюдается. Согласно расчетам, проведенным в ходе социально-гигиенического мониторинга в республике, территориями риска по общей смертности населения являются Агульский, Акушинский, Гунибский, Кулинский и Чародинский районы и город Кизляр; по младенческой смертности – Цунтинский район; по детской смертности – Хивский и Цунтинский районы; по перинатальной смертности – Кайтагский и Рутульский районы, а также города Хасавюрт, Кизляр и Кизилюрт.

В Дагестане, так же как и в целом по Российской Федерации, в 2005 году зарегистрировано уменьшение количества детей, умерших в возрасте до 1 года. Это произошло как в городской, так и в сельской местности. Однако снижение этого показателя сочетается с ростом материнской смертности. При этом средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2005 году составила в Дагестане 73 года: мужчин – 69 и женщин – 77 лет. А в Российской Федерации в целом, по расчетам статистиков, к 2015 году россияне в среднем будут жить 67 лет. Тем не менее, разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин по-прежнему сохранится: 60 против 74 лет.

Здоровье населения также во многом зависит от государственного финансирования сферы здравоохранения. Сейчас по относительным и абсолютным показателям расходов на здравоохранение Россия значительно уступает не только странам с развитой рыночной экономикой, но и европейским странам бывшего социалистического лагеря. Так, эти расходы в 2004 году в России составляли 2,2% ВВП, а в Великобритании – 6,4%, Германии – 8,0%, Франции – 7,4%, Норвегии – 6,5%, даже в Белоруссии, Латвии, Эстонии они более 5% ВВП. В расчете на душу населения в нашей стране расходуется на здравоохранение в 10-18 раз меньше, чем в развитых странах с высоким уровнем жизни.

Характерный для советского периода остаточный принцип финансирования здравоохранения сохранялся до последнего времени. Но в последние год-два ситуация стала меняться. Медицинские учреждения страны стали лучше оснащаться современными аппаратами и приборами, позволяющими использовать новейшие методы диагностики и лечения, соотношение расходов на медицинские услуги, которые было переместились на население, стало, хотя и медленно, меняться. Начала расти и средняя заработная плата работников здравоохранения. Появилась надежда, что теневая оплата формально бесплатных медицинских услуг со временем начнет изживаться, а знаменитая клятва Гиппократа снова станет законом в работе медицинских учреждений.

Итак, успехи передовых стран мира, России в последнее время в том числе, в борьбе со смертностью и увеличении продолжительности жизни своих граждан, сейчас очевидны. В чем главные причины? Во-первых, в мобилизации государствами материальных ресурсов, включая расходы на здравоохранение, охрану окружающей среды, пропаганду здорового образа жизни, развитие соответствующих направлений научных исследований. Во-вторых, в резком повышении активности самого населения, направленной на оздоровление образа жизни и среды обитания, в изменении массового сознания и поведения людей, влияющих на сохранение собственного здоровья. Нам, в России, в Дагестане, надо брать в этом пример с развитых стран, всемерно поддерживать и развивать наметившиеся у нас в этой области тенденции.

ПАМЯТЬ

Далгат АХМЕДХАНОВ

ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ...

Человек родился и вырос в Буйнакске. Окончил школу №2 и поехал учиться дальше в Ленинград. Стал химиком, получив диплом университета. Но такая любопытная деталь: окончив первый курс, дагестанец, как и его сокурсники, на два года пошел служить в армию. Таков был тогда закон. Демобилизовавшись, вернулся в университет продолжать учебу. Вот как вспоминает об этом времени его сокурсник **Дмитрий ЗУЕВ:**

– В первый день занятий я видел Наби лишь мельком. Мы оказались в одной группе. Позже в этот же день я встретил Наби опять в поезде по пути в город. Он сидел, смотрел в окно и держал в руке тетрадь. В этой тетради сквозь его пальцы я увидел химические формулы. И после обмена впечатлениями о первом дне учебы (после армейского перерыва. – *Ред.*) я показал на эту тетрадь. Что это, спросил я. Это конспекты по аналитической химии, ответил он. Но сегодня только первый день учебы, когда ты успел сделать их, удивился я. Я зубрил это, пока был в армии, объяснил он, я просто хотел быть заранее готов ко второму году учебы, у меня также есть некоторые записи по органической, физической химии.

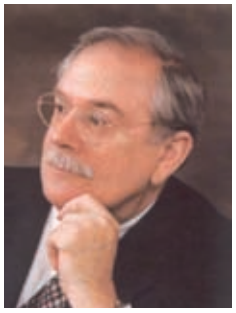
В 1995 году Наби Магомедов 25 лет от роду приехал в США и с дипломом петербургского университета поступил в аспирантуру университета штата Огайо, где в 2000 году получил докторскую степень. И вот еще одна любопытная деталь. О ней продолжает вспоминать Дмитрий Зуев, который тоже вместе с Наби поехал в Америку, где продолжил учебу и стал работать.

– Наше желание учиться за границей вызвало горячую дискуссию, и мнения были очень разными. Эмоции так накалились, что один из профессоров, стоящий на позициях холодной войны, сказал, что наш университет не должен быть местом для подготовки молодых специалистов для Запада. Но это была неправда. Мы просто хотели двигаться вперед и попробовать себя в стране с большими перспективами. Это были возможности, которых мы не имели у себя дома.

И вот что вспоминает профессор университета штата Огайо **Давид ХАРТ**, под руководством которого учился в аспирантуре Наби Магомедов:

– В общей сложности Наби провел в моей группе четыре года. Он был замечательным студентом. Он был первым в каждом курсе, который посещал. Его результаты экзаменов можно было вешать на доску как образец ответов. Я предложил ему подумать над задачей и встретиться, когда будет готов план исследований. Наби пришел через неделю. И он не только подумал над проблемой, он еще улучшил подход к ее решению. Он предложил альтернативные методы. То, что он сделал, было потрясающе. Он ухватил самую суть проблемы. У меня было много прекрасных студентов, но это был единственный раз, когда у меня было что-то подобное. Я был в экстазе. И, в конечном счете, он написал замечательную диссертацию. И я подумал, что мне самому стоит многому поучиться у него. И я действительно учился у него. Он как-то поблагодарил меня за то, что смог приехать сюда в Америку учиться в аспирантуре, когда, увидев человека, несшего пачку сухого льда, сказал: «В России мы обычно ходили в ларек, торгующий мороженым, чтобы взять сухого льда для научной работы».

А вот что говорит о Наби Магомедове профессор Гарвардского университета **Давид ЭВАНС**:

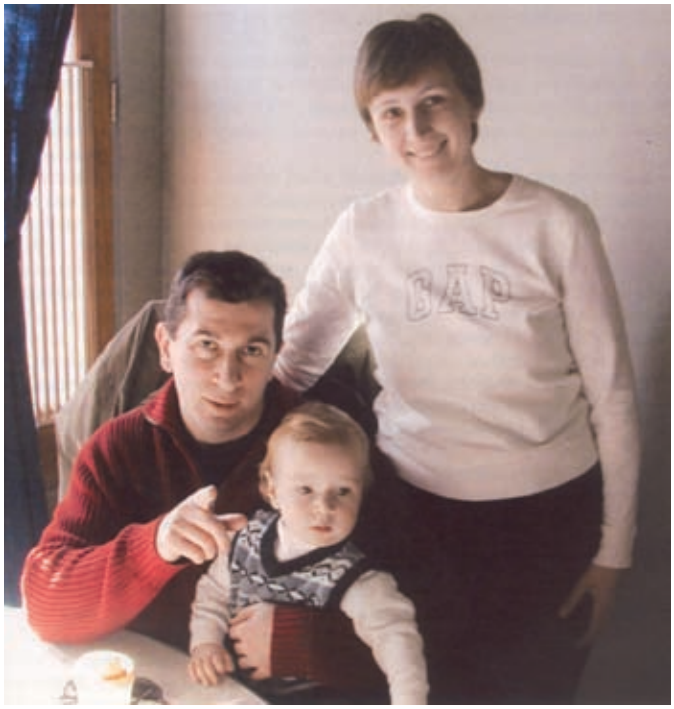


– Он провел в моей лаборатории два года, прежде чем занять место профессора в Рочестере. Наби был свежим ветром в лаборатории. Он получил прекрасное классическое образование и был членом команды на Российской олимпиаде по химии. Поступив в аспирантуру в Москве, он быстро понял, что это не лучший путь продолжать свое образование. В моей группе он был замечательным сотрудником и очень сдержанным. Определенно не шумный парень. Работал крайне упорно. Для меня было вполне очевидно, что он шел к успеху. И он был одним из самых поразительных людей в своей области, которых я когда-либо встречал.

После двух лет работы в Гарварде Наби Магомедов стал в 2002 году профессором университета Рочестера, где собрал исследователь-

скую группу. Его интересы концентрировались на обнаружении и развитии новых реакций в области синтетической органической химии. Магомедов, как отмечают его американские коллеги, продемонстрировал высокий уровень инноваций и обладал хорошим чутьем в поиске новых методов синтеза. Он был также «успешным преподавателем, который прививал студентам страсть к химии и высокие стандарты научной деятельности, и под его руководством один из его студентов получил докторскую степень».

Эта закавыченная цитата взята, как и вышеприведенные воспоминания, из книги под названием «Памяти семьи Магомедова и Щербининой» и надписью на титульном листе «С любовью и памятью о семье Магомедова–Щербининой». Книга эта, включающая речи, произнесенные на поминальной службе, и семейные фотографии, издана, как и проведение траурной церемонии, межконфессиональной церковью 4 марта 2006 года, благодаря поддержке компании «Бош и Ломб» и департамента химии университета города Рочестера.



Да, произошла трагедия. «Профессор Наби Магомедов, его жена Наталья Щербинина и их трехлетний сын Амир Магомедов (*на фото справа*) погибли 7 февраля 2006 года в автокатастрофе на Нью-йоркской скоростной автомагистрали около Харримана, штат Нью-Йорк». И при стечении большого числа людей, которые в Америке знали, любили и уважали эту семью, состоялась траурная церемония, а меньше, чем через месяц, была издана и эта удивительная книга.

Она удивительна не только самим фактом своего столь скорого издания, а уважительным отношением к погибшим, тем более – иностранцам, тем более россиянам, которые в своем большинстве относятся к американцам иначе, чем они к нам. К чему мы не привыкли. Она удивительна своей интонацией пронзительного человеколюбия, доброты, внимания к личности, признания без всякой зависти ее заслуг. И повторюсь – тем более что личность эта – не американский гражданин, а человек из России, с еще более непонятного Кавказа и еще более непонятного Дагестана. И нет в сознании этих людей никакой дискриминации «лиц особой национальности». Критерий один – человек умен, талантлив, добр, уважителен, внимателен. И профессионален.

Поэтому удивительна книга, в которой приводятся воспоминания не только многих коллег Наби Магомедова, но и соседей, и даже людей, которые, не будучи хорошо лично знакомы с этой семьей, знали о ней по отзывам тех, кому они доверяют. И такое уважение, даже любовь к погибшим звучат в их словах, что поражаешься порядочности их помыслов. Причем все они говорили не только о Наби, но и о его супруге – Наталье Щербининой, уроженке Сочи, тоже выпускнице петербургского университета, замечательном ученом-химике, еще более замечательной жене и матери их трехлетнего сына Амира. И приводятся не только биографии мужа и жены, но и равноценная им по объему биография трехлетнего малыша, которому уделено немало места и немало теплых и внимательных характеристик в этой удивительной поминальной книге.

Земляки Наби Магомедова, его жены Натальи и сына Амира по штату Огайо знают о нем, наверно, больше, чем мы, в Дагестане. Это немного обидно. Такой замечательный парень, перспективный ученый, а на родине его не знают, кроме близких друзей. Его родителям и сестре, живущим в Буйнакске, американцы прислали книгу, ставшую отзвуком на постигшую их трагедию. Получил книгу и школьный друг Наби Магомедова, Эльдар, сын моего школьного друга. А поскольку я тоже из Буйнакска, то можно ли было не отозваться и не рассказать читателям о нашем многообещавшем земляке, столь нелепо ушедшем из жизни на самом взлете. Наби Магомедов – еще одно свидетельство талантливости нашего народа и еще одно свидетельство не очень-то бережного, внимательного отношения к дарованиям, рождающимся на нашей благодатной земле. Что, конечно, жаль.

В заключение надо сказать, что департамент химии университета Рочестера совместно с компанией «Бош и Ломб», в которой работала Наталья, жена Наби, основал «Мемориальный фонд семьи Магомедова–Щербининой», средства которого будут использоваться для «Премии Магомедова–Щербининой». Ею каждый год будет награждаться молодой химик, который за примерно пять лет своей исследовательской работы продемонстрирует исключительные способности в исследованиях, обещающие существенные достижения в будущем. Премия будет вручаться вместе с выполненным в металле портретом семьи Магомедова и Щербининой. А компания «Бош и Ломб» весной в память о семье Натальи посадит дерево на кампусе Центра Оптики и установит мемориальную доску, на которой среди других будут такие слова: «Некоторые люди оставляют следы в нашей жизни и остаются в наших сердцах, и мы уже никогда не останемся такими же, как прежде».

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Саидат МАГОМЕДОВА

"Лезгинка": полвека спустя

Расул Гамзатов в шутку ревновал: куда бы ни приехал, оказывалось, что до него там уже побывали артисты "Лезгинки".

Муху АЛИЕВ

О «Лезгинке» пишут много и часто, ансамбль называют «визитной карточкой республики». Артистов любят и ценят, а родственники тех, кто не смог попасть в этот коллектив, обзывают его «гетто». В следующем году у «Лезгинки» юбилей, а сегодня ансамбль продолжает жить своей обычной жизнью: это музыка, уставшие артисты и перманентное состояние танца, даже когда репетиция давно завершена.

Директор «Лезгинки» Джамбулат Мусаевич МАГОМЕДОВ руководит ансамблем вот уже 17 лет, за эти годы многое в республике изменилось, менялся и коллектив. Это уже не та «Лезгинка», которая была основана в 1958 году народным артистом СССР Танхо Израиловым. Ансамбль остался верен традициям, однако время меняет солистов, меняет и танцы, и те и другие приобретают еще большую энергию, оставаясь такими же молодыми и красивыми. Вот что рассказывает о своем коллективе Джамбулат Магомедов.

– Мы продолжатели тех, кто был «Лезгинкой» до нас, мы храним их традиции, мы помним свою историю. У каждого коллектива бывают взлеты и падения, у нас тяжелыми были годы с 1993 по 1996. Да и для всего дагестанского и российского общества они были не из легких. Мы не сумели вовремя сориентироваться, не было поддержки, отношение к артистам было сложным. Ребята покидали ансамбль, уезжали в Германию, в Чехию. Если сравнивать сегодняшнюю «Лезгинку» с той, что была основана 49 лет назад, то они совершенно разные, время берет свое. С 58-го года в течение 10 лет коллектив был на подъеме, был интересен всем, в том числе за границей. Но прошло время, и встал вопрос: быть «Лезгинке» или нет? Коллектив перестал быть столь востребованным, зарплаты были низкими, артисты стали паниковать. Ведь если нет финансовой подпитки, должных репетиций, коллектив распадается.

Сегодня все иначе, дагестанский прези-

дент помогает в решении многих проблем. И сегодня среди других нам аплодирует Президент России. На важных концертах нас даже объявляют, как любимый коллектив Президента РФ. Сегодня «Лезгинку» приглашают туда, где хотели бы выступить многие другие ансамбли. Мы танцевали на встрече глав государств «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, в 2006 году были удостоены звания лучшего фольклорного танцевального ансамбля России. А в Австралии нас называли «самым ярким явлением культурной жизни – 2007 года», «самым лучшим танцевальным коллективом года 2007-го». Причем досрочно, ведь год еще не закончился. Это особо значимо, потому что в этой стране выступают лучшие ансамбли со всего мира. Такая высокая оценка – это показатель нашей работы».

Австралия, Новая Зеландия, острова Новой Каледонии, 86 перелетных часов, 3 страны, огромное количество дорог, своего рода «марш-броски» там, где «Лезгинка» еще не бывала. Наверное, это одни из самых впечатляющих гастролей ансамбля.

«Австралия – это единственный континент, где мы не бывали, но мечтали побывать. Но это было раньше просто-напросто не по карману. Были переговоры, контуры поездки, но реализовать ее никак не удавалось. Она требовала колоссальных расходов. Чтобы поехать в Австралию, требовалось также быть элитным коллективом, получить мировое признание; страна эта избалована лучшими артистами: до нас там работал Джо Кокер, практически нашим же маршрутом,

работал Майкл Джексон. Коллективы среднего уровня в Австралию не попадают, страна искушена искусством и богата. Ее жители привыкли видеть артистов мирового уровня.

Мы дали 70 концертов. Специально разработали методику работы с врачом, балетмейстерами, художественным руководителем, чтобы функционально провести свое время. Через 4 часа после прилета уже выступили на телевидении, что очень удивило нашего импресарио – меня-то это не удивило, я своих ребят знаю! Он начал издалека: «Понимаю, вы устали, но надо выступить...» Ребята ответили: «Мы готовы!», а импресарио воскликнул: «Я понял, что с этим коллективом мы сможем свернуть горы!»

Помимо концертов ансамбль жил и другой, очень насыщенной жизнью, мы встретили в Австралии своих земляков, и отказать им во встрече было, конечно, нельзя. Поэтому мы постарались найти время, чтобы дать им глоток родины. И чтобы наши выступления не были похожи на обычные. Поэтому помимо 70 спектаклей мы попросили включить в программу несколько благотворительных акций, посетили родильный дом в день православной Пасхи, ведь нас представляли как российский коллектив. Мы будем продолжать подобные акции и в Махачкале, посетим детский приют, в котором мы бываем каждый год, дом инвалидов с небольшой концертной программой. Во время гастролей было очень приятно, что практически всегда нас поддерживала Зумруд Запировна, министр культуры и туризма. Большое внимание уделил нам президент республики, после возвращения он дал высокую оценку нашим выступлениям.

Вообще, эти гастроли прошли блестяще, показалось, что нигде в мире нет таких заботливых и теплых людей, они проявляли к нам огромный интерес. Ребята там чувствовали себя чуть ли не национальными героями (улыбается). Мы принимали участие в ток-шоу, нас узнавали на улицах. Да и сама страна очень понравилась, – казалось, что это рай на земле. Мы видели Америку, Гонконг, практически всю Европу, но Австралия – это что-то особенное».

Как было сказано выше, «Лезгинку» порой обвиняют, что она уж очень плотно закрыта для новобранцев, но это не так: ансамбль с удовольствием идет на контакт. Но

только с лучшими из лучших, потому что республику должны представлять только профессиональные, преданные своему делу артисты.

«Да, у нас жесткие требования. Во-первых, необходим типаж, это «кавказское лицо», средний рост – не менее 170 см, важна фактура, ритмика, слух, пластика. У нас достаточно людей, подходящих под эти стандарты, но всех мы принять не можем, поэтому и выбираем особо одаренных. В нынешней «Лезгинке» помимо дагестанцев танцуют армяне, азербайджанцы, русские, у нас жесткая дисциплина, среди артистов нет пьющих ребят и курящих женщин – они берегут свое здоровье и знают: если сегодня ты выпадешь из труппы, то твое место тут же займут. Конкурс заставляет быть в тонусе, чувствуя, что тебе наступают на пятки, ты двигаешься только вперед.

После гастролей в Австралии мы выступили на праздновании Дня Конституции Дагестана, сейчас ансамбль находится в Греции. Мы также работаем над программой «Выше гор» – ведь следующий год у нас юбилейный: 6 сентября 2008 года нам исполнится 50 лет, а уже 2 октября мы выступим в Кремле. Правительство республики выделяет нам 15 млн. рублей, но большую часть денег мы хотим получить от спонсоров, так как знаем, каков бюджет нашей республики. Будут сшиты абсолютно новые костюмы в лучших мастерских, будут новые декорации, отвечающие требованиям сегодняшнего дня. Кстати, о технике. Поездка в Австралию мне, как руководителю, открыла глаза на многие вещи: мы технически устарели, и как бы хорошо ни танцевали, оснащаться лучшей техникой просто необходимо. И хочу добавить: мы были в разных странах, и никто не прельстился заграницей. Напротив, ребята, в свое время уехавшие в Испанию, вернулись и просятся в коллектив назад. Ведь то, что мы делаем, это интересно, это творчество.

«Лезгинка» – это бренд, а он всегда стоит дорого. Однако в стране, где учителя и медики получают мизерную зарплату, получать сумасшедшие деньги было бы неправильно.

Мировые танцевальные коллективы не

ярче нашего. Их выступления по телевидению выглядят захватывающе, но вживую уже не столь интересны. У нас наоборот, снимают нас из-за отсутствия хорошей техники не очень, зато на живых выступлениях люди просто сходят с ума и аплодируют так, что порой не слышно музыки. Артисты иногда на это жалуются, но понимают, что лучшего признания, когда не перестают нести цветы и не устают аплодировать, просто быть не может».

Да, «Лезгинка» востребована и оплачиваема. И все же, если сравнить с условиями, в которых работают другие ансамбли – «лица других стран», то… Что ж, учтем, мы уже много лет живем в условиях перманентной революции. Так что потерпим и подождем.

ЮБИЛЕЙ

Далгат АХМЕДХАНОВ

СТИМУЛ МАГОМЕДА БАТЫРХАНОВА, КОТОРОМУ 90 ЛЕТ

Ни за что не скажешь, что ему 90 лет. От силы – может, 70. Но девяносто? Не может быть! Однако Магомеду Батырханову, подполковнику в отставке, фронтовику, участнику Парада в честь 60-летия Победы в Москве, именно столько. И кто из них более бодр и работоспособен – известный актер, жизнелюб, исполнитель знаменитой роли дагестанца в не менее знаменитом фильме «Свинарка и пастух» Владимир Зельдин, или истинный дагестанец, педагог, командир стрелкового батальона, прошедший всю войну, партийный работник, а ныне персональный пенсионер Магомед Батырханов – еще большой вопрос.

Слушаю его и поражаюсь свежести мысли, которой могут позавидовать многие наши молодые современники. Позавидовать не только прекрасной памяти, чистоте языка, а и восприятию и оценке всего того, что происходит сегодня в наше очень непростое время. Ведь идет революция, уже которая по счету в нашей стране. Попробуй разберись! Далеко не каждый понимает, что происходит и откуда из этого «что» ноги растут. Много вопросов возникает и у Магомеда Абдулаевича. Но если подытожить… Он обронил фразу, которая все расставляет по своим местам. Не дословно, но смысл таков: на прежние кошмары наложился еще и новый, и мы получили то, что имеем сегодня.

Но это из области философских рассуждений, которыми мы обменивались летом, беседуя в его уютном дворике. Он показывал свой домашний музей, где собрал фотографии дорогих ему людей – от близких и дальних родственников и до фронтовых друзей и былых сослуживцев. И рассказывал о том, что пришлось ему увидеть и пережить за долгие годы. О том, как учился в Буйнакске, в Первом Дагестанском педучилище, как воевал, как лечился в госпитале, расположенном в здании того же педучилища (надо же как совпало!), как работал, с кем дружил, кого воспитал, с кем и с чем боролся. Запомнился эпизод, как возмущенный тем, что был уволен ценный работник, умелый инженер за то, что отсутствовал на работе два дня из-за похорон близкого ему человека, Магомед Батырханов устроил разнос горе-руководителю, добился исключения его из партии и отъезда приезжего чиновника из Дагестана.

Юбиляра хорошо знают у нас в республике. И он многих знает. Интереснейшая книга вышла бы из-под его пера, возьмись он за мемуары. Потому что слетела бы в таких воспоминаниях шелуха с многих событий и людей, которая покрывает их многие годы. Но Магомед Абдулаевич не пишет, зато много читает. А уж всю дагестанскую периодику изучает досконально. Такой у него жизненный стимул.

Куда уходит детство?
В какие города?
И как найти нам средство,
что б вновь попасть туда?

Изумруд АТАЕВА

ГДЕ ОБИТАЕТ ДЕТСТВО

Как же порой хочется позабыть о суетности взрослой жизни и хоть на миг вернуться в ту бесшабашную пору, когда деревья были большими, мороженое особенно сладким, а мир веселым и цветным. Но время вспять не воротишь. И все же есть место, очутившись в котором можно пусть ненадолго ощутить себя ребенком. В Махачкале – это двухэтажное здание, украшенное красочной вывеской – «Театр кукол».

– В Дагестане Театр кукол был создан в мае 1941 года. – **Так началась наша беседа с художественным руководителем, директором театра, заслуженным деятелем искусств РД Аминат ЯХЬЯЕВОЙ.** – Несмотря на все тяготы военного времени, он регулярно давал спектакли, вселяя в зрителя надежду

на мирную будущность. Мы как-то подсчитали, сколько постановок было сделано за 66 лет существования театра, оказалось – более 700! Число зрителей, побывавших на них, перевалило за 8 миллионов!

Поскольку у нас – единственного в республике специализированного театра для детей – помимо развлекательной функции есть еще и воспитательная, то репертуар театра подбирается с учетом морально-нравственного влияния на ребенка. Базируется он, конечно же, на мировой классической драматургии, но мы не пренебрегаем и произведениями современных авторов, особенно дагестанских. Вообще, соблюсти репертуарный баланс – задача не из легких. К нам приходят ребятишки от 2-х лет, для которых главное – красочность спектакля, и уже взрослые юноши и девушки пятнадцати-семнадцати лет, для них действо

должно быть не только зрелищным, но и дающим пищу для ума. Иными словами, мы готовим зрителя для драматического театра, старательно прививая ему эстетический вкус, формируя его мировоззрение.

Осуществить это в одиночку невозможно, поэтому активно сотрудничаем с педагогами школ, с родителями, используя разнообразные формы работы: проводим ежегодные фестивали детских театральных студий и драмкружков (одиннадцатый по счету прошел в апреле), проводим конкурсы-инсценировки, основанные на обрядах и фольклоре народов России. Очень важно, чтобы юные граждане знали культуру и традиции страны, в которой живут, народов ее населяющих. А не только родного края.

Для работы со школами города ежегодно формируется оргкомитет, который знакомится с методиками школьной сценографии, просматривает репертуарный материал, если есть такая необходимость, оказывается помощь в постановке. Уже 11 лет в рамках школьной программы театр проводит конкурсы чтецов, недели «Театр детям». На семь дней ребята превращаются в экскурсантов, проходят за кулисы, встречаются с актерами, режиссерами, рассказывающими о том, что предшествует выходу спектакля. Совершают экскурсии по цеховым мастерским, наблюдают за работой художников-бутафоров, и даже учатся мастерить кукол. Такие мастер-классы очень популярны. Завершается неделя, конечно же, спектаклем. Часто администрации школ отказываются от театрализованных концертов в пользу традиционных спектаклей… А вообще, ни одно торжество в городе не обходится без нашего участия.

– Бытует мнение, что театр постепенно изживает себя, не выдерживая конкуренции с современной индустрией развлечений. Вам удается удержать зрителя?

– Да, она ощутимо конкурирует с традиционными видами досуга. Тем не менее, ребята всегда охотно участвуют в наших конкурсах. Азарт захватывает ребенка целиком и ему, конечно же, приятно осознавать, что приз им честно завоеван. Пустующие кресла – скорее, проблема взрослого театра. Ребенку же в любом возрасте необходима сказка, и куклы всегда создают атмосферу волшебства. Дети очень эмоционально реагируют на происходящее на сцене, а если есть реакция – зритель неминуемо вернется.

– Как вы изыскиваете средства на приобретение этих самых призов? Спонсоры помогают?

– Вкладываться в театр долгосрочно ни один бизнесмен не станет – не рентабельно! Все ждут молниеносных доходов, а в театре, как и в любом искусстве, дивиденды специфичны – аплодисменты публики да искренняя благодарность его персонала. Конечно, нам помогают «Планета детства», «Люком»… Но это единичные случаи.

– Случалось ли, что подопечные театральных студий затем приходили в театр в качестве актеров?

– На моей памяти только один случай. Маша Воронкова – бывшая воспитанница школы искусств по окончании общеобразовательной школы пришла к нам на работу. Сегодня она успешно совмещает ее с учебой в Ленинградской театральной академии. Маша неординарный человек – трудолюбивая, талантливая. Недавно мы гастролировали в Волгограде – представляли спектакль по сказке Гофмана «Щелкунчик», где ее работу над образом девочки Мари увидела и высоко оценила авторитетный театральный критик-кукольник, ученица основоположника современного театра кукол Образцова – Инна Соломоник. Безусловно, что отзыв такой величины в театральном мире, как Инна Наумовна, польстил всей труппе и еще раз утвердил меня во

мнении, что юную актрису М. Воронкову ждет большое будущее.

– Применимо ли к кукольникам понятие возрастного ценза? Каков средний возраст ваших актеров?

– В нашем деле нет возрастных ограничений, средний возраст наших актеров – 20-25 лет. К примеру, возраст артистов волгоградской труппы, что в апреле гастролировала у нас, постарше – 50-55 лет.

– Дает ли возраст артисту сценическое преимущество? Молодым легче найти контакт с юными зрителями?

– В обоих случаях есть свои плюсы: молодежь более мобильна, легко обучаема, а за плечами зрелых актеров – знание секретов профессии. Замечательно, когда возникает творческий тандем – старшие передают накопленный опыт молодежи а те, в свою очередь, готовы его перенять. Что же касается нашего коллектива, то у нас есть уже и свои «старожилы»: Жанна Ротова, Сергей Вединский, Александр Степанов – выпускники факультета культуры ДГУ, по восемь-девять лет прослужившие в нашем театре. Поскольку у нас нет театрального отделения, специализирующегося на подготовке кукловодов, ребята оканчивали отделение драматического искусства, их профессионализм – личная заслуга каждого. Чтобы нашим ребятам не пришлось осваивать профессию «вслепую», я ввела практикумы с привлечением режиссеров извне. К нам приезжали режиссеры из многих российских театров: Алексей Басов инсценировал у нас спектакль «Щелкунчик», Долгополов осуществил постановку «Доктора Айболита», болгарский режиссер Александр Ткачев поставил пьесу «Новое платье короля».

– Как часто обновляется состав труппы?

– Актерский коллектив у нас небольшой, всего 15 человек. Он несколько раз обновлялся. Происходило это по разным причинам. У театра кукол своя специфика – это, в первую очередь, инструментальный театр. Если в драмтеатре актер создает образ, используя перемену внешности, мимику, пластику тела, то у кукловодов основным средством сценического выражения является голос, а его органичность зависит от того, насколько выразителен облик куклы, созданный художником. Это где-то 50 процентов успешной актерской игры. Помню, к нам поступила молодая актриса, у которой никак не налаживался «контакт с куклой», уже заговорили о ее профнепригодности… Перед отчислением решили дать ей шанс реабилитироваться. И девушка не просто ухватилась за него, она буквально стала ночевать в театре, не расставалась с куклами ни на минуту, многократно отрабатывала свои роли, вела с ними беседы, «заставляя» их отвечать. Постепенно куклы и актриса стали единым организмом, кукла чудесным образом оживала, едва попав в ее руки. Спустя девять лет эта актриса стала лучшей в труппе. Вообще, в нашу профессию не приходят временно, здесь не выдерживают те, для кого куклы – бездушны.

– У всякой профессии свои секреты. Каковы они у кукольников?

– Главное – это овладеть мастерством «одушевления неодушевленного», ведь каждый кукольник – немножко волшебник. Многие заблуждаются, считая кукольный театр – исключительно детским. Просто о жизни и ее явлениях мы рассказываем в игровой форме. Мы, конечно же, затрагиваем вечные темы: добра и зла, любви и ненависти, порядочности и подлости. Есть в нашей копилке спектакли, ориентированные исключительно на зрелую аудиторию. Это постановки в стиле театра те-

ней, есть моноспектакли с актерским выходом, по этому принципу был построен спектакль «Дон Жуан». Тогда нас упрекали в том, что беремся за щекотливую тему, что рано подросткам рассуждать о любви. Но спектакль нашел отклик у публики, подростки, которых в зале было большинство, постановку приняли. Хоть и маскировали нередко внутреннюю растерянность нарочито вызывающим поведением, репликами, хохотом. А потом возвращались вторично, чтобы еще раз его пересмотреть и переосмыслить увиденное. Кстати, мы неоднократно вывозили «взрослые спектакли» на гастроли в различные города России, и публика нас принимала. А это, как мне думается, показатель правильно выбранного профессионального пути.

– Верно ли утверждение, что «настоящий художник должен быть голодным»?

– Грамотная кадровая политика позволяет актерам подрабатывать на стороне, с тем лишь условием, что это не помешает основной работе. Наши актеры следуют ему свято, храня верность театру, ставшему для них почти семьей. А ведь предать семью равносильно измене самому себе! Таков негласный кодекс членов нашего небольшого коллектива: актеров, художников… всех.

– За театральными кулисами всегда кроются секреты. Они у вас есть. Жизнь в этом «закулисье» далеко не так безмятежна, какой она кажется из небольшого, всего-то на двести мест, зрительного зала. За кулисами и за фасадом здания, словно по указке злого волшебника театральные своды неузнаваемо трансформируются в обветшалые стены с облезлой штукатуркой... Почему же до сих пор в вестибюле, коридорах, царит такой «рабочий» беспорядок?

– Увы, «тряпичные актеры», так любимые детворой, ютятся в небольшой каморке, словно тюремные арестанты. Ситуация, сложившаяся в театре, совсем не проделка черных магов, а следствие затяжного «финансового голода». Как разрешить дилемму: ремонтировать большую сцену и гримерки, наладить систему кондиционирования помещений или закупать материал на создание кукол и декораций, оплачивать труд персонала театра. Ведь на протяжении нескольких лет прописка театра вообще была под вопросом – здание бывшего кинотеатра «Комсомолец», расположенное в центре города, было лакомым кусочком для бизнеса, развязавшего настоящую битву за него. Руководство республики отстояло права кукольников.

– И что теперь?

Надежда умирает последней. Именно надежда держит нас на плаву все эти годы. Мы даже были внесены в адресную целевую программу правительства скромной по масштабу реконструкции. Но денег – 2 миллионов рублей – едва хватило на ремонт фасада, вестибюля, установку пластиковых стеклопакетов, ремонт малого зала и звуко-техническое переоборудование сцены. Мы уже грезили о подъемниках для подвижной сцены, о нормальных кулисах, но радость наша была недолгой. Смена чиновничьих экономических приоритетов изменила взгляд на финансирование нашего театра, но в последнее время наметились положительные сдвиги: нам стали выделять скромные средства из местного бюджета и у нас появилась надежда, что пройдет не так уж много времени и в театре наконец-то воцарится гармония между внешним и внутренним убранством. Что дети своими глазами увидят, как вершится чудо, и театр превращается в храм искусства, как это и должно быть.

ЖИВОПИСЬ

Уже 41 год дагестанец Арсен КАРДАШОВ живет в нашей северной столице. Приехал в Ленинград учиться. Выучился, женился да так и остался жить в городе на Неве, став профессиональным художником. Работает в разных жанрах: гобелены, роспись шелка, живопись, графика, керамика… Но приоритетна все же работа с текстилем – с этого начиналась его учеба. Сегодня он один из самых заметных петербургских художников-дагестанцев. На его счету персональные выставки, издание альбомов, выполнение всевозможных государственных, и не только, заказов. Этим летом Арсен Кардашов в очередной раз приезжал на родину и побывал в редакции нашего журнала.

АРСЕН КАРДАШОВ:

О ВРЕМЕНИ И О ТВОРЧЕСТВЕ…

– Последний раз мы виделись в Питере 35 лет назад, что наиболее заметного произошло с тех пор в твоей жизни?

– Ну, прежде всего, появилась седая борода. Ты тоже стал другим. А если серьезно: государство прежнее приказало долго жить. Столкнулось с реалиями экономики, как «Титаник» с айсбергом.

– И как это сказалось на творчестве? И сказалось ли?

– Очень даже. Существовал под крышей государства Союз художников, были у него различные комбинаты, мастерские живописи, студии скульптуры, графики, декора… Были условия для занятий фундаментальным искусством, а плата за аренду помещений была низкой. Практиковались государственные заказы, и гонорары были весьма неплохими. Членам Союза художников жить и работать было комфортно. А сейчас нас накрывают волны непредсказуемого рынка, в которых вынуждены барахтаться. И не всем удается держаться на поверхности, хорошо бы сделать раз-другой глоток свежего воздуха.

– Иными словами – стало хуже. А как же со свободой творчества? Со строгими идеологическими рамками – от сих до сих, в которых, как утверждается, всегда стонет творческая интеллигенция?

– Я бы не сказал так категорично – «стало хуже». Да, шор никаких нет, валяй, твори,

Из серии "Белые ночи".
Бумага. Перо. Тушь. 1999

что душа желает. Впрочем, это тоже чревато издержками, чему мы сегодня свидетели. Повторю: стало менее комфортно жить. Мне, по крайней мере.

– Заказов меньше?

– Не в этом дело. Они есть. Но могут и не быть. А раньше они были всегда, и художник ощущал себя защищенным. Это придавало уверенности в завтрашнем дне и способствовало творчеству.

– А как же с его свободой? С рамками, которые творчество ограничивают?

– Это другая сторона медали. У нее ведь две стороны, и от этого никуда не деться. Для кого предпочтительна та, для кого – эта. Мне бы хотелось иметь обе (смеется). Но так, видимо, не бывает.

– У тебя раньше была студия…

– Она и сейчас у меня есть. Та же самая. Есть и квартира, есть и машина.

– Помнится, раньше машины не было. А сейчас почти все – от мала до велика – на колесах. Вот и ты разбогател. Разве не комфорт?

– Да. Но раньше тоже можно было иметь деньги. К примеру, стоимости одного гобелена, хотя на него уходило более трех лет работы, хватало на покупку автомобиля, который, правда, продавался чуть не по карточкам. Но это уже та – другая – сторона медали. Разное время – разные возможности. Творчество – это задача, она не изменилась. Изменилась ее тема.

– Душа захотела воплотить какую-то тему, а она оказалась не востребована, как у художников слова – они писали в стол. Разве это не знакомо художникам кисти?

– Знакомо. И более чем. Но это было и раньше, есть и сейчас. Все зависит от задачи, которую ставит перед собой автор. Если он хочет заработать на кусок хлеба – он пишет картину определенного типа. Если хочет публичного признания, то берется за конъюнктурную вещь. Если же хочет потрафить своей душе – то берется за нечто третье – и это высший пилотаж в творчестве.

Полет.
Шелк. Роспись. 1992

Дорога на Ахульго.
Бумага. Пастель. 2006

– И если взвесить эти три подхода на весах искусства, то что приносит конечный успех?

– Продукт художественного творчества надо ведь еще реализовать. Не всякий умеет это делать. И не всякий такой продукт находит в свое время своего покупателя. Вспомним того же Ван Гога.

– Однако, как говорится, талант дорогу

Из серии "Гарем".
Бумага. Пастель. 2003

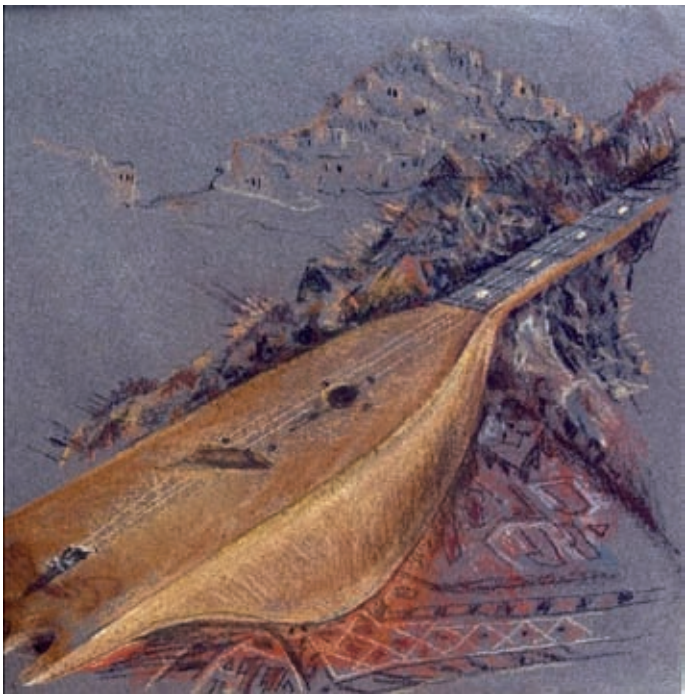
себе пробьет. Или не всегда?

– Рано или поздно, но, по-моему, всегда. Однако и у таланта есть две стороны: умение создать и умение продать созданное. Сафронов, Глазунов, к примеру, обладают обеими гранями таланта. Но все же есть произведения, предназначенные не для широкого круга. Это ассоциативная живопись. Работы дагестанских художников – супругов Астемировых – это сплошная символика. Естественно, не каждый их поймет, не у каждого возникнут, глядя на их картины, какие-то, близкие ему ассоциации, не каждый захочет такое произведение приобрести. Но от этого оно не становится менее талантливым. Желание выразить себя подобным образом всегда было присуще человеку, мы видим тому множество свидетельств, идущих из глубины веков. Недавно я был в горах, видел камни в стенах аульских саклей с высеченными на них подобного типа изображениями. По сути, это иероглифы с зашифрованными в них смыслами, родившимися в творческой душе их автора. Фокус в том, породят ли они отзвук в душе зрителя, и если да, то возникает эффект откровения. Это уже философия. И это искусство.

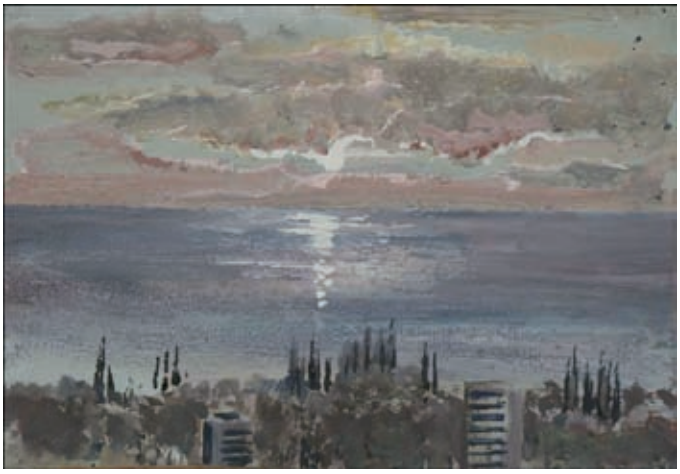
– В таком случае, что такое «Черный квадрат» Малевича?

– Могу поделиться своим мнением. Но что думаешь о нем ты?

– Не стану умничать, скажу, что это спонтанно выраженная неожиданно для самого автора, в одну минуту, шутка художника, обладающего хорошим чувством юмора, который всегда является признаком того или иного таланта. И в этом можно узреть все что угодно. Но я не считаю «Черный квадрат» произведением, которое хочется повесить дома на стену. Он сродни армянскому анекдоту. Но я дилетант, хочу послушать профессионала.



Чунгур.
Бумага. Пастель. 1995



Сочи.
Картон. Масло. 1991

– У каждого по поводу работы Малевича свое мнение. Но в том ее и прелесть, что каждый, кто о ней что-то говорит, прав. По-своему, конечно. Вот и ты прав. И я прав, считая, что «Квадрат» не произведение искусства, поскольку искусство предполагает мастерство исполнения, а мастерства в «Квадрате» нет. Нет ничего проще, чем замалевать его черной краской. Любой горазд. Но это тоже иероглиф,

это тоже философия. Каждый в нем видит свое. Я вижу в нем тупик. Символ тупика. Но, повторюсь, это не искусство, ибо нет мастерства в изображении. Другое дело – Марк Шагал. Его наивные картины полны поэзии, очень талантливы. Произведения подобного рода невозможны при тоталитарных режимах, в

Танец.
Шелк. Роспись. 1995

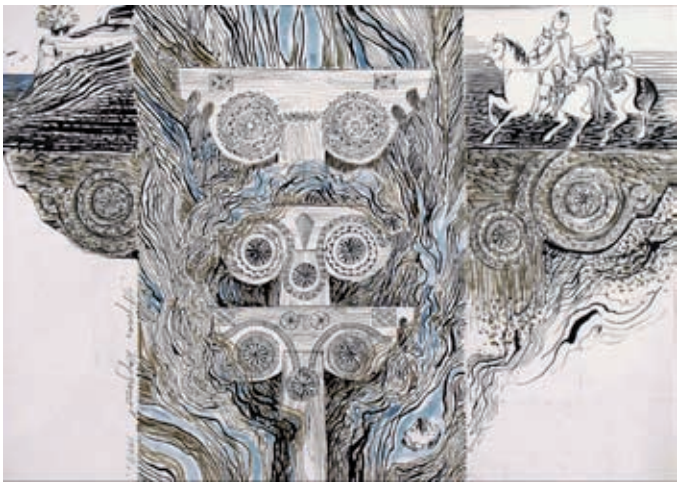
империях. Например, в Древнем Риме, искусство которого у всех перед глазами, в Древнем Египте, в СССР, в нацистской Германии… Но когда происходят революции, когда рушатся незыблемые прежде устои, когда поется хвала свободе каждого индивидуума, тогда и появляются новые формы творчества. Порой, и самые несуразные.

– У меня возник еще один аргумент.

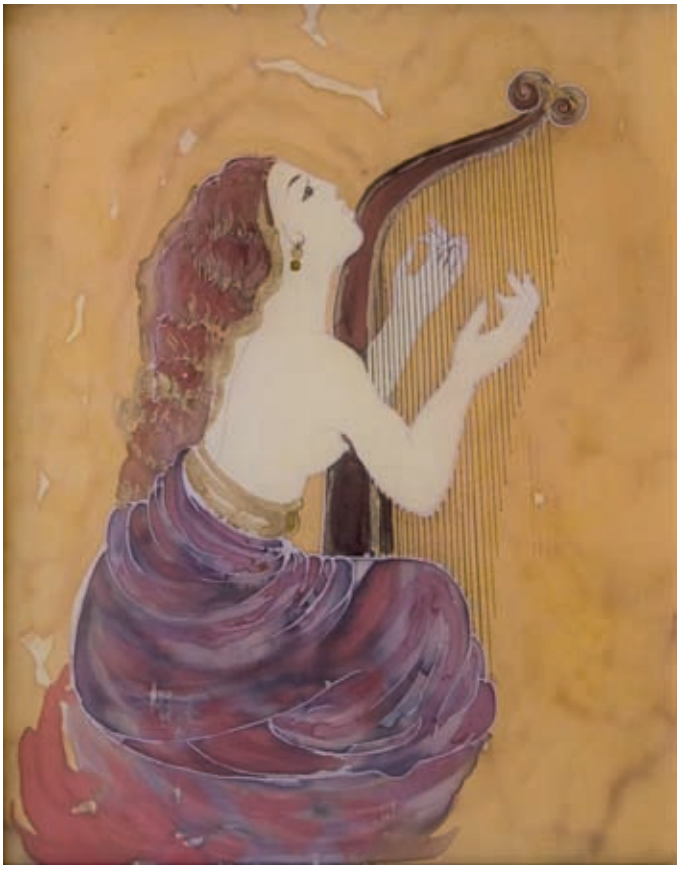
Патимат.
Керамика. Подглазурная роспись. 1983

Когда рушатся устои и в искусстве уже якобы не обязательны аристократы его духа, то возникший вакуум заполняют толпы всех, кому не лень заявить о себе там, куда раньше они даже не помышляли соваться. И наряду с талантливыми людьми эту нишу заполонили люди без творческих способностей, но с неимоверными и даже, я бы сказал, наглыми амбициями, которые выдаются ими за новое слово в искусстве. Время, конечно, все расставит по своим местам. Скажем, исчез ведь ажиотаж вокруг «живописи» обезьян, других животных, некоторые «картины» которых покупались, как писала пресса, за миллионы.

– Да, деньги решают очень многое. Амбициозному автору нужно разбогатеть и он представляет свой продукт как «новое слово», а амбициозному богачу нужно прослыть знато-



Иллюстрации к поэме "Дагестан".
Бумага. Перо. Тушь. 1998



Мелодия.
Шелк. Роспись. 2004

ком, ценителем передового искусства, и здесь их интересы пересекаются. Один продает, а другой покупает. И толпа заходится в истерике: ах, как талантливо. Ведь не будет человек тратить миллионы за бездарную мазню.

– Какую гениальную сказку о новом платье короля написал Андерсен! Только лишенный предрассудков взрослой толпы мальчуган не побоялся признать, что король голый…

– А нас не закидают за эти рассуждения гнилыми помидорами?

– Читатель не закидает. А кто не согласен, тот сам любит «понтоваться» (да простится мне этот неологизм) и потому демонстрировать такой снобизм не станет. Но мы отвлеклись, хотя, надеюсь, не без пользы. А что такое инсталляция? Это тоже «понты»?

– Это акт обозначения темы. Непонятно? Скажем, друзья собрались у родника, приготовили шашлык, хорошо посидели. Совершили некий акт. И это тема. Наш художник Апанди Магомедов взял как-то тему кизяка. Поколения приходят и уходят, а такой необходимый в дагестанском сельском быту кизяк остается столетиями. Грамотная тема. И решил ее талантливо. Это инсталляция.

– Тогда, напоследок, такой «интимный» вопрос. Чем объясняется у тебя такое разнообразие: живопись, графика, керамика и так далее. Отчего такая всеядность?

– Я уже говорил, что основная моя профессия – роспись на тканях. К примеру, росписью на шелковых полотнах было украшено здание петербургского аэропорта «Пулково-2». Также

Нева.
Бумага. Перо. Тушь. 2006

Воспоминания.
Гобелен. Ручное ткачество. 1983

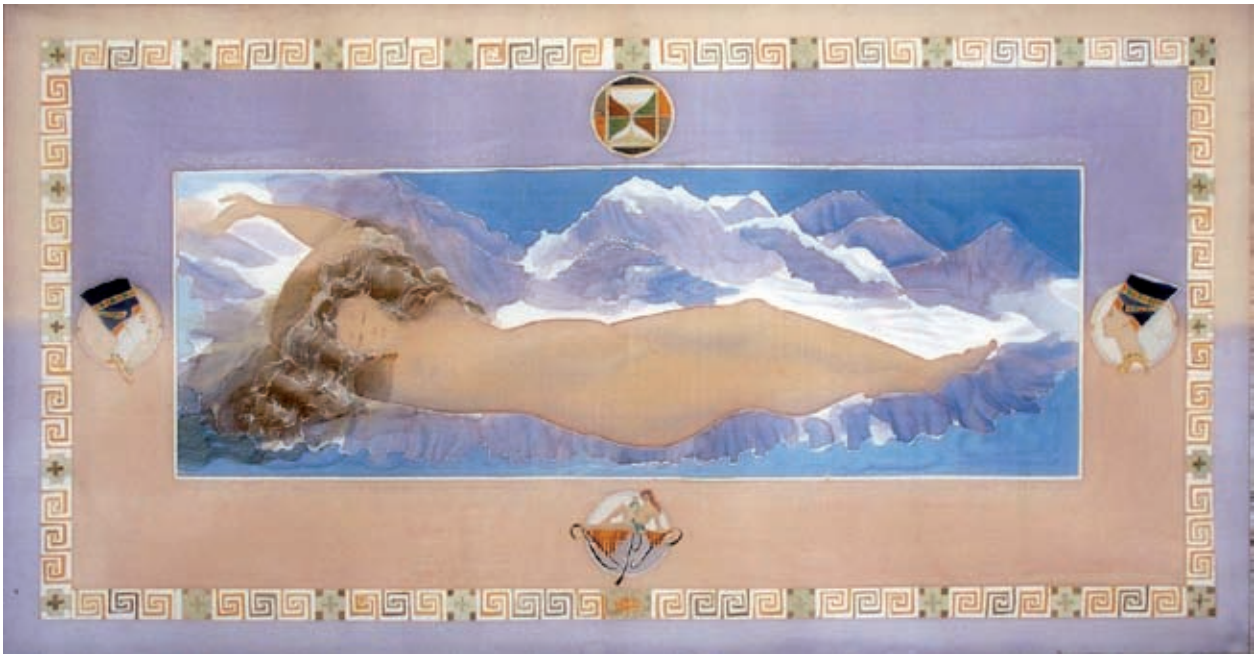
гобелены для Аварского театра. Но очень люблю и живопись, и графику, и керамику. И когда выдается свободное от основной работы время, отдаюсь этому увлечению.

– А как случилось, что, окончив в Махачкале строительный техникум, стал художником?

– Видимо, он сидел у меня внутри, и не очень глубоко. Все решила в 1966 году выставка в Махачкале дагестанских художников Хайруллы Курбанова, Гейдара Гейбатова, Камиля Мурзабекова, Алирзы Эмирбекова, братьев Сунгуровых, Омара Ефимова. Посетив ее, я не мог не познакомиться с авторами картин. Это знакомство все и решило. Они затащили меня в Питер, где я стал тем, кем стал. И я своим братьям по цеху очень благодарен.

Беседовал
Далгат АХМЕДХАНОВ

Альтернатива.
Гобелен. Ручное ткачество. 1987



Сон.
Шелк. Роспись. 2003

КИНОПРОЕКТ

Светлана КРИВОНОСОВА

На экране "Имам Шамиль"

Киностудия «Империя XXI век» создает фильм о великом сыне Кавказа

В мировой литературе врачи, ставшие писателями, занимают особенную нишу. Быть может, потому, что врачевали не только тело, но и душу. Владимир Даль, Антон Чехов, Михаил Булгаков, Виктор Вересаев, взявшись за перо, оставили нам драгоценное литературное наследие. Но вряд ли в этом списке найдется более двух-трех женских имен. Одно из них – дагестанка Мариам Ибрагимова.

Мариам генетически соединила в себе Россию и Кавказ. Отец – дагестанский горец. По преданию его род восходит к основателям Кази-Кумуха, принесшим ислам на Кавказ, уходит корнями в глубь веков, беря начало от династии корешитов. Мать Прасковья – из рода потомственных дворян Пущиных. Приняла веру, обычаи и традиции горцев и стала именоваться Патимат.

Вот что пишет Сергей Михалков: «Помню Мариам Ибрагимову в молодости, когда встречался на Кавказе с начинающими писателями. Мариам была наделена даром сочинительства. И жанры самые разнообразные – романы, повести, рассказы, стихи, поэмы. И все у нее складывалось. Знаю, что завершается работа над полным 15-томным собранием ее сочинений. Все ее труды должны увидеть свет».

Ее роман-трилогия «Имам Шамиль» написан на основе исторических документов. Работа над книгой длилась более 25 лет. И все эти годы, рискуя самой жизнью, когда даже сильные мира сего в угоду временщикам-политикам искажали правду истории, Мариам Ибрагимова защищала Шамиля от очернительства и клеветы. Это ее нравственный и гражданский подвиг.

– Из двух жизненных формул по Горькому Мариам избрала для себя – ГОРЕНИЕ. Сгорела, оставив после себя яркий след, – говорит Роза Эльдарова, многие годы дружившая с М. Ибрагимовой. – Свое духовное оружие – ум и талант – она вложила в бессмертные произведения,

посвятив их Дагестану, Кавказу, России. Тем самым еще при жизни создала себе несокрушимый памятник.

И действительно, роман М. Ибрагимовой «Имам Шамиль» оказался в одном ряду с такими известными произведениями, как «Война и мир» Л. Толстого, «Петр Первый» А. Толстого, «Емельян Пугачев» В. Шишкова.

– То, что не сумел сделать я для великого Шамиля, воздать ему должное в истории России, Кавказа, Дагестана, с блеском, исторически правдиво, с большой любовью, покоряя непреодолимые вершины и преграды, сделала наша Мариам, – говорил Расул Гамзатов на презентации трилогии в Махачкале. – Ее роман «Имам Шамиль» по праву является самым лучшим описанием Кавказской войны и Шамиля… Мариам – настоящая дагестанка. Жаль, что она при жизни не получила признание в Дагестане.

– Выход книги М. Ибрагимовой «Имам Шамиль» – это выход Дагестана на мировую арену цивилизации, – говорит композитор, народный артист России Ширвани Чалаев. – Никто на земле не принес Дагестану столько славы и вряд ли принесет, как имам Шамиль. Эту славу, пока светит солнце, по праву будет разделять и Мариам.

Высший смысл творчества в том, что слово писателя должно вызывать у людей разной веры и национальности чувство глубокого уважения друг к другу, желание лучше познать незнакомую им культуру. Мариам Ибрагимова получала теплые письма и отклики от читателей всей страны. В. Репецкий из Хмельницкой области писал: «С огромным интересом прочитал роман «Имам Шамиль». Герои романа вызывают подлинное уважение и восхищение свободолюбием, верностью Родине и мужеством в борьбе за свободу. Я проникся чувством уважения и любви к гордым аварцам и чеченцам… Прошу Вас, если возможно, вышлите мне аваро-русский и чеченский словари, чтобы лучше узнать и понять гордых и мужественных аварцев. Буду вникать в характер языка и его душу».

На роман обратили внимание и деятели киноискусства. Создается кинопроект «Восхождение к миру» – державный по своей сути. Тому свидетельством слова Владимира Путина: «Далеко не сегодня стало ясно, что у народов России и Кавказа – единая судьба. Кавказ – центр многообразной, но единой русской духовной культуры. Любые попытки нарушить это единство встречали отпор. В том числе со стороны народов Кавказа».

Уроки Кавказской войны – бесценный опыт для тех, кто хочет видеть наше Отечество единым, цветущим и сильным государством. Если бы историческая эпоха трагического противостояния России и Кавказа не извращалась временщиками-политиками, оскорбленное прошлое никогда бы не отозвалось в наше время войной в Чечне, событиями в Буденновске, Буйнакске, Каспийске, Москве.

– Многие наши беды начинаются с того, что мы не извлекаем уроков из своего прошлого, забываем выстраданный нашими предками опыт достижения мира и единства, отрекаемся от своего рода и племени, корней своих, – так

говорит о мотивах создания кинопроекта «Восхождение к миру» его автор, генеральный продюсер фильма **Рустам ИБРАГИМОВ**, доктор социологических наук, генеральный директор Института стратегии национальной безопасности, сын автора романа-трилогии.

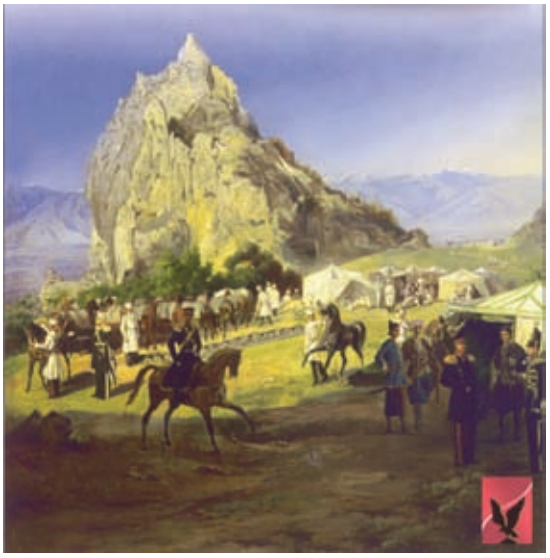
В основу фильма положен исторический роман Мариам Ибрагимовой «Имам Шамиль» об освободительном движении народов Дагестана и Чечни в девятнадцатом столетии, о легендарном предводителе горцев, стоявшем на перекрестье исторических судеб России и Кавказа. Зрители увидят поворот в мышлении имама Шамиля от войны к миру. Духовный лидер, благородный и справедливый человек, он создал первое на территории крепостной России демократическое государство – Имамат, где отсутствовало рабство и крепостное право. Это первое в истории мирового и отечественного кинематографа многослойное и неоднозначное отображение Кавказской войны, художественное воплощение на экране самых ярких личностей отечественной истории.

Фильм покажет сообразно с правдой истории и в совершенно ином, новом, ракурсе причины, содержание и итоги Кавказской войны; покажет единение Кавказа и России – как неизбежность исторического прогресса; отношения между людьми, обреченными убивать друг друга и страстно протестующими против этой обреченности; непостижимые человеческие судьбы, скрестившиеся на дорогах войны, великие моменты просветления, когда обе стороны проникаются трагическим осознанием того, что творят.

На экране оживут многие исторические персонажи той эпохи – императоры Николай I и Александр II, лучшие сыны России и Кавказа – Ермолов, Воронцов, Граббе, Паскевич, Барятинский… Сыновья Шамиля – Джамалуддин и Гази-Магомед, наибы Хаджи-Мурад, Ахверди-Магома, Шугаиб, Байсунгур… Фильм раскроет зрителям необъятный мир

человеческих страстей, высокой любви и глубокой преданности. Эпизоды фильма погружены в неповторимую атмосферу тех лет, в традиции и обычаи горцев. В фильме будут показаны основные сражения Кавказской войны: при Гимрах, Ахульго, Валерике, Дарго, Гергебиле, Гунибе.

В 1839 году император Николай I прибыл на Кавказ. Он желал мира этому краю, быстрейшего окончания войны и хотел предложить имаму стать наместником Кавказа. Именно об этом велись переговоры с генералами Фезе и Клюке фон Клюгенау, но встреча не состоялась из-за интриг. После штурма Ахульго исчезла мирная альтернатива развития отношений Шамиля с Россией. Имам Шамиль не был безусловным противником всяких отношений с Россией. Ему, как всем вместе и каждому в отдельности из свободолюбивых сынов гор,



было изначально неприемлемо насильственное присоединение Кавказа, и вооруженное сопротивление оставалось единственным способом отстаивания интересов свободных горцев.

Ранняя смерть Джамалуддина, – по рождению аварца, старшего и любимого сына имама Шамиля, а по воспитанию «сына» императора Николая I, блестящего русского офицера, – изменила мировоззрение Шамиля. А объявленный главнокомандующим Кавказской армией князем Барятинским траур, приостановка военных действий на всем Кавказе в связи со смертью Джамалуддина потрясли имама Шамиля и его окружение. Они поняли, что русские им не враги. И во время начавшихся военных действий России с Турцией сорокатысячная армия Шамиля не ударила в тыл русским войскам. Если бы это случилось, то возможно, история Кавказа была бы иной.

В фильме по-новому будет раскрыт образ Ермолова. Зрители увидят «проконсула Кавказа», одного из героев победы над французами, прибывшего покорять «дикие» народы, но понявшего, что завоевать горцев жестокостью и насили-

ем невозможно. За 11 лет службы на Кавказе Ермолов был трижды женат. И все три жены – дагестанки, родившие ему шестерых детей: Бахтияра, Омара, Аллах-яра, Эсфендияра, дочь Сапият… Два сына стали генералами русской армии. Сама жизнь в детях Ермолова объединила Россию и Кавказ.

В сценарии прослеживается линия многонациональности шамилевского окружения. Имам не только не различал людей по национальному признаку, но и считал это, в соответствии с шариатом, великим грехом. Чеченцы, лакцы, даргинцы, лезгины, кумыки, русские, армяне, поляки, казаки, горские евреи – все они как равные находились в стане Шамиля. Он для терских казаков, пришедших для поселения в Ведено, выделил землю для строительства домов и церкви.

На Кавказе была и другая Россия. Россия передовых общественных деятелей, сынов-декабристов, великих писателей, ученых, врачей, исследователей, обычных людей, своею жизнью и судьбой понимавших истоки справедливости, свободы, добра и зла. Эта историческая сила была на стороне горских народов. Именно их влияние подготовило глубинный поворот кавказцев от традиционной ориентации на Восток к новой – на передовую русскую культуру, в русло социально-экономического развития, что и дало Кавказу новый импульс на

перспективу. Лермонтов, Толстой, Бестужев-Марлинский близко знали горцев, имели среди них друзей. Офицеры русской армии, они с восхищением говорили о своих противниках, признавая их моральную и историческую правоту, прямо и честно описывали трагические события, участниками которых были сами. С легкой руки Пушкина Кавказ сделался родиной русской романтической литературы.

Это была война не в обычном понимании слова, как война с Наполеоном, Гитлером. События на Кавказе в XIX веке характерны для гражданской войны, когда брат поднял руку на брата. «Я был далек от того, чтобы считать горцев своими врагами. И всегда восторгался их героическим сопротивлением», – говорит в сценарии фильма подполковник русской армии В. Нуров. Эти идеи прослеживаются в полотнах великих русских живописцев – Рубо, Верещагина, Репина, Айвазовского, Гагарина, Горшельта, Тимма, Лансере – тонких наблюдателей кавказской жизни.

Долгая и трудная Кавказская война… Но и в эту жестокую пору люди не могут жить без любви. Любовная тема будет проходить через весь фильм. Мало кому известна романтическая любовь, возникшая между сыном Шамиля – Джамалуддином и Лизонькой Олениной, внучкой президента Российской Академии художеств. Жаль, что судьба свела двух молодых людей ненадолго. Уже один этот сюжет – основа отдельного интересного киноромана. Шамиль женился на плененной им и позже добровольно принявшей ислам и ставшей Шуанат – невесте русского генерала Пулло, армянке, высокообразованной христианке Анне Улухановой, в любви и счастье прожившем с ней до конца дней своих. Добровольно из-за любви к аварцу Юнусу, верному приближенному имама Шамиля, приняла ислам и еврейка Маазат. Небезынтересна и трагическая судьба наиба Чечни – Шугаиба, влюбленного в Султанат, из-за любви к которой его убили. Так же, как и ярко вспыхнувшая любовь Хаджи-Мурада к чеченке Сану, трагически оборвавшаяся на самом взлете.

Сейчас завершается организационная работа над фильмом. И несмотря на то, что сценарий по мотивам трилогии «Имам Шамиль» написан, авторская группа и принимающий активное участие в ее работе известный деятель киноискусства Р. Ибрагимбеков все еще «роются» в недавно недоступных архивах и находят совершенно неизвестные до сегодняшнего дня факты из истории Кавказской войны, касающиеся личности Шамиля и его окружения. Такова потрясающая история, которая так созвучна современности, так дорога своими уроками и выстраданным опытом достижения тишины и покоя в горах Кавказа, которые, как показало время, не являются преградой в отношении народов, а соединяют Россию и Дагестан. Сценаристы в постоянном поиске, выявленные в архивах факты так переплетают эпизоды жизни героев, что идеологическая составляющая все больше граничит с любовно-героической направленностью фильма. Авторы очень осторожны в изложении материала. «Мы не можем ошибиться», – говорит Рустам Ибрагимов. И он прав. Это будет миротворческий проект, которым уже интересуются многие страны мира.

Завершается и подбор актеров на главные роли, после чего начнутся съемки.

«Любимые мои соотечественники! – завещал народам Дагестана и Чечни имам Шамиль. – Обращаюсь к тем, кто помнит меня и почитает как старшего брата, отца, сына. В отношениях с русскими следуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чаши весов справедливости, перетянут больше в сторону добра. Да будет все так, как захочет Аллах. И мир».

Закончу стихами Лермонтова, когда глядя на величественные горы Кавказа, он писал:

Я думал:
«Жалкий человек. Чего он хочет!..
Небо ясно, под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – ЗАЧЕМ?»

Иллюстрации из буклета о будущем фильме, выпущенного в Москве

КРИК ДУШИ

Магомед АБДУЛХАБИРОВ

МОЕ ЗНАМЯ – ПЕСНЯ

Если судьба сильно благосклонна к кому-либо, то она одаривает его не только здоровьем, разумом, красотой, но и голосом. Удивительно, что хорошим голосом судьба одаривает лишь немногих.

У всех народов во все времена люди стоя аплодировали больше всего не ученым, не правителям, не полководцам, а певцам и певицам. Их знают все. Их почитают. Их имена хранят в памяти и в сердцах. Говорят о них. Сплетничают о них. Восхищаются ими. Шепчутся о них. С ними ищут встреч. Обожают их, ибо они часть духовной жизни народа.

И я люблю певцов и певиц. Особенно моего родного Дагестана! Встреча с ними – всегда Праздник сердца! Этим и продиктованы эти строки.

С песней идут воины в бой, преодолевая страх смерти, мобилизуя отвагу, пробуждая силу. Песня и знамя есть у любой армии. Гимн и герб – символы любого государства, а потому стоя люди исполняют гимн и целуют знамя. Гимн и флаг – священны!

Плач – тоже песня. Песня кровоточащего сердца! Я знаю медицинскую сестру, которая, по просьбе умирающего отца, спела для него любимую песню. «Доченька! Меня уже зовут в небеса. Убери капельницу, ты не успеешь позвать имама. Не знаешь ты и прощальную суру мусульман. Спой мне песню прощания. Облегчи мне уход, родная! Ту, что любила твоя мама. Скоро я с ней увижусь…» Дочка пела и плакала. Плакала и пела. Песня дочери стала отцу молитвой ухода в вечность! Не зря же в аулах есть свои плакальщицы. Их приглашают в дни горя. Они поют плачем, и стихи по ушедшему они сочиняют экспромтом. Их переписывают, берегут, перечитывают в семьях. Поэзия – боль, а песня – музыкальное излияние боли.

Молитва – тоже песня. Песня особенная. Врачи давно заметили целебность молитвы. Чтение Корана, Библии, Торы и других священных писаний – тоже песня, возвышенная Песня. Особенно чтение вслух, чтение коллективное. Чтение священных книг – это сосредоточенное пение с Богом в сердце. Оно оказывает блаженное воздействие на души и думы верующих, освобождает человека от мирских невзгод.

С детства мое сердце было покорено таинством, могуществом чтения «мавлида» и стократно повторяемым «Ла иллагьа иллалагь» и «Астаф пируллагь» по вечерам. Под звездным небом в горах это хоровое пение эхом отражалось от скал. Фантастическое ощущение. Могла бы при этом возникнуть даже мысль о фонограмме, о звуконосителях? Подобные же чувства овладевают и при общеаульском молитвенном прошении о дожде при длительных засухах. Мавлидами провожали воинов на защиту отечества.

Мне приходилось участвовать при исполнении зикру чеченцами. Не слабый я человек. Родом из горного края, но увиденное меня удивило. Седовласые аксакалы, отложив трости и костыли, вставали в общий круг, аплодируя и распевая: «Ла иллагьа иллалагь». И стремительно пританцовывали по кругу целый час. Я устал, но не они. Я – хирург-ортопед-травматолог – хорошо понимал, каково им с больными суставами. Но куда делись боль и хромота? Невероятно, но такому исцелению я сам был свидетелем.

Песня – это любовь. Песня – это выражение самых возвышенных чувств к любимому и любимой, матери и сыну, отцу и дочери, брату и внучке, сестре и внуку, дому отчему, хутору, аулу, городу, Родине.

Ни одна свадьба в мире не проходит без песен. Песня – это подвиг. Юбилеи личные, семейные, государственные, корпоративные, все важные события непременно сопровождаются песнопениями. Лишь бы знать, где и что петь, не путая кладбище и свадьбу. И то, что дозволено подвыпившим участникам свадьбы, абсолютно не уместно для праздников дагестанской культуры. Песня – фундамент и вершина культуры любого народа. У каждого свои мелодии, свои музыкальные инструменты. Голос японца не перепутаешь с голосом европейца. Нет в мире технологически более продвинутой страны, нежели Япония. И ни одна страна в мире так трепетно не бережет свои песни, как Япония. В ней законом запрещена фонограмма, ее использование соотнесено к национальному оскорблению.

А каковы песни Дагестана? Умеем ли мы не только исполнять, но и слушать их? Вот о чем не бесспорные, но грустные мои раздумья, к которым приглашаю всех неравнодушных ценителей песни.

Нет человека, который бы про себя и для себя не пел. Нет человека, который не радовался бы хорошей песне. Поют даже отпетые мерзавцы. Важно лишь различать песни Чести и завывания Бесчестия. В студенческие годы я работал медбратом в Таркинской тюрьме Махачкалы и коллекционировал песни заключенных. Много среди них было блистательных и безымянных шедевров, но немало и пошловатых тоже, как в сегодняшнем телевизионном «Аншлаге». Но

в тюрьмах чаще поют песни о свободе и любимых, ибо душа человека черствеет последней. Поражаюсь бесконечности песен о Любви! Песня и любовь – бессмертны! И у каждой эпохи и у каждого народа свои песни, своя любовь и свои ценности.

Но современные песни почти во всех странах мира мне порой представляются не выстраданными человеком, а инкубаторскими, что ли, барабанными, а не сердечными, искусственными, скороспелыми, какими-то проходящими мимо сердца. А главное – даже оболванивающими, опошляющими. Аранжировке и компиляции текстов песен и музыки ныне способствует компьютерная техника, заполнившая нас халтура. В них нет страдания и радости, нет таланта. Иные песни похожи на резиновых манекенов и на резиновую жвачку. Прикоснулись, пожевали и выплюнули, а в сердце ничего не осталось. Зачем же петь в таком случае? Ради денег? Великие песни рождаются не от изобилия, а от жажды.

Человечеству угрожает катастрофа от эгоизма и воинствующего мракобесия. Призывы пророков и художников не слышны в грохоте современной вакханалии. Может, песня станет эликсиром против манкуртизма и душевной глухоты? Может, песня оживит струны совести? Если не песня, то что спасет костенеющую душу?

В наш экспрессивный век хорошие песни реально приобретают целебную ценность. В противовес барабанной трескотне современной эстрады. Успешно функционирует в медицине целое научное направление: музотерапия. Во всех операционных мира звучит тихая музыка и нежное пение, но не оглушительное сумасшествие. Научно доказано негативное воздействие громкой музыки на психическое и физическое здоровье человека. И даже на животных, и даже на растения. И этому много доказательств. К примеру, шум в кузнечном цеху – 90 децибел, на дискотеке и у взлетающих самолетов – 120. Поэтому кузнецы, ди-джеи и работники аэродромов часто глохнут. Эффект масштабного акустического устрашения впервые был успешно использован маршалом Георгием Жуковым на подступах к Берлину. Как последнее достижение были продемонстрированы недавно в США специальные звукоусиливающие генераторы для разгона несанкционированных митингов. Оглушительная музыка психически и физически пагубна для всего живого. Даже растения от нее сохнут. Поэтому завсегдатаи дискотек становятся пациентами психосоматических отделений, наркоманами, импотентами, извращенцами и преступниками. Разве нет такой опасности и в Дагестане? И не считают ли у нас все это вершиной услады и смыслом продвинутой жизни?

В какой бы стране и в каком бы городе я ни был, стараюсь приобретать лучшие местные песни. Коллеги, друзья, знакомые, зная о моем хобби, пополняют мою коллекцию. С наслаждением слушаю израильские и украинские песни. Восхищаюсь иранскими и итальянскими песнями. Не устаю от испанских и турецких песен. У песен нет вражды, ибо истинное искусство никогда не проповедует агрессию.

Немало дагестанских артистов поет иноязычные песни, хотя это получается у них зачастую неуклюже. Правда, никто из недагестанцев не исполняет дагестанские песни. Обидно? Нет! Грустно. И печально наше подражание другим.

Лакского языка, к сожалению, я не знаю, но с огромной благодарностью принимал участие в фестивалях лакской песни. Эти истинно народные фестивали организуют генеральный директор московской фабрики кухонной мебели «Форема-Кухни» Омари Калаев и композитор Ширвани Чалаев. Жаль, что не организуются подобные праздники представителями других дагестанских народов.

Один раз, правда, в Кремлевском дворце проходил вечер лезгинской культуры. Это было замечательно. Исполнялись песни лезгинские, осетинские, русские, чеченские, казахские… Но не прозвучало ни одной аварской, даргинской, лакской, кумыкской, ногайской песни. Ни одной. Почему? Правда, говорят, в этом году на лезгинском вечере в концертном зале «Космос» в Москве выступали и артисты других национальностей Дагестана. Значит, не все так беспросветно плохо.

Но не пойму я нынче, что с песней дагестанской мы творим. За грохотом музыкальных усилителей не слышна сама песня, не понятны слова и теряется индивидуальность исполнителя. Многие поют в одном и том же ритме, однотипно, шумно. Певец или певица кричат, будто их подключили к электросети с высоким напряжением, дергаются, как в эпилептическом припадке. Что за издевательство над песней? Порой не поймешь, кто на сцене: клоун или певец, стриптизерша или певица?! Жанры перепутаны и переплетены.

…Москва. Концертный зал «Меридиан».

Слушаю пение Айшат Насрулаевой. В седьмом ряду сижу. Аварским языком владею достаточно хорошо. В песнях певицы при очень большом напряжении я еле уловил лишь два слова: «Лъаларо дида» («не знаю я») и «Рокьи» («любовь»). А ведь эта певица с огромным голосовым диапазоном. За музыкальным шумом не услышал я талантливую певицу. Надо, все-таки, уважать свою песню, свой голос, своих слушателей и себя тоже! В таком же промышленном грохоте выступали и другие артисты. Я сказал об этом безобразии замечательной дагестанской певице Ларисе Гаджиевой. Она указала на отсутствие профессионализма звукорежиссера. «Тогда не пойте, – заметил я. – Выходите на сцену с профессионалами. Уважайте себя и слушателей».

Однажды на подобном московском вечере на сцену вышел, как объявили, «звезда аварской эстрады». «Звезда» взошла на сцену в кепке, оборванных джинсах и грязных тапочках. Ничего аварского не было ни в его песнях, ни в его сутулости, ни в его кривляньях. Это был сплошной крик и звериный визг. К великому моему изумлению, и в зале визжали!

Следует с сожалением признать, что наблюдается большой дефицит не только в культуре пения, но и в умении слушать песни. У иных наших земляков даже в столичных дворцах культуры просыпаются повадки дикарей. Сидят иные в концертном зале в папахе, шляпе или кепке, как на аульском годекане. Свистят и кричат во время пения, как пастухи козлам. Шумно разговаривают по мобильному телефону; прохаживаются во время концерта по залу, пьяными выходят из зала на сцену, что-то бормочут и даже поют и танцуют в зале. Позорище! Нигде, никогда и ни у одного народа с подобным бескультурьем мне встречаться не приходилось. Не приглашаю я на дагестанские вечера в Москве своих московских друзей, ибо ужасно стыдно за скотское поведение некоторых наших хамоватых и диковатых земляков. Ощущение такое, что выросли они среди волков, а не среди людей, так и остались на примитивном уровне рабовладельческой психологии. Неужели мы – дагестанцы – находимся на пугающей всех стадии врожденной агрессивности и одичалости. Нынче с аплодирующего и крикливого согласия шумолюбивого большинства вечера культуры Дагестана постепенно стали превращаться в вечера халтуры, бескультурья и бесстыдства. Так происходит умерщвление песни.

Пора бы в школах, университетах, в СМИ, по радио и телевидению обучать дагестанцев не только правилам поведения в обществе, но и культуре исполнения песен. Нельзя же нам и в XXI веке оставаться на уровне диких племен. А артист, если он настоящий, то должен возвеличивать свой народ, а не опускаться до подворотных песен подвыпивших пошляков.

Самое же отвратительное – обман зрителей при использовании фонограммы. Это нравственное и юридическое преступление. Иной раз артикуляция артиста даже не совпадает со звучащим пением. Сорняки нагло выползают в эфир и на сцену. Может, надо обучать наших певцов и певиц истинным правилам? Даже на секунду представить себе не могу, чтобы на сцене появилась бы Муи Гасанова в нынешнем дергающемся и крикливом, как сказали бы сейчас, формате. Эта актриса вместе с композитором Ахмедом Цурмиловым совершила революцию в аварском песнопении! Каждое ее слово слышно и понятно! Дыхание и волнение ее доходят до каждого. Никогда и ни за какие суммы не позволит она музыкальному агрегату измываться над ее голосом, ибо это ее живой голос. Это ее ребенок! С подобной же величавостью выходили и выходят на сцену Бурлият Ибрагимова, Тагират Магомедова, Рагимат Гаджиева, Татам Мурадов, Султанат Курбанова, Магомед Улакаев, Дакку Асадулаев, Тагир Курачев и другие… Учиться бы у них достоинству в жизни и на сцене!

Я любвеобильный, но разборчивый. Меня потрясло известие, что на концерте модного нынче извращенца Бориса Моисеева в Махачкале был полный аншлаг! Боже мой! И это потомки прославленных отцов и великих предков? Или нынче патология стала нормой? Что сеем и что растим? О чем поем и что поем? Как поем и зачем поем? Чему и кому аплодируем?

Когда мы идем на вечер пения, то вправе ждать от артиста звучания его голоса на 90%, а музыкальное сопровождение – не более чем на 10 %, в реальности же происходит наоборот. Я неистово люблю Дагестан и все прекрасное, что связано с нашей родиной. Поэтому не имею права молчать о том, что не соответствует красоте, величию, культуре и достоинству Дагестана. Неужели и в самом Дагестане аплодируют вою барабанов, а не чистоте голосов и содержательности песен? Содрогаюсь от этой угрожающей безвкусицы.

Трудно порой дифференцировать национальную принадлежность современной песни. Да, истинное искусство всегда интернационально! Но оно всечеловеческое еще потому, что у каждой песни есть национальное лицо. Если бы ведущий концерта не объявлял о том, что артист исполнит лезгинскую, ногайскую, кумыкскую или другого народа песню, то можно было бы перепутать его пение с таджикскими, кабардинскими, турецкими или арабскими песнями. В Дагестане изданы изумительные книги: «100 старинных лакских песен», «100 старинных лезгинских песен», «100 старинных даргинских песен». Их собрал неутомимый Ширвани Чалаев, которому в Париже зрители стоя аплодировали за исполнение песен народов Дагестана. Гордитесь ими! Изучайте их! Берегите их! Пойте их!

На вечерах в Москве я давно уже не слышу песен на стихи Расула Гамзатова. Что это? Или появились более гениальные поэты?

Унизительны для культуры Дагестана люмпенизированные шуточки конферансье с непристойностями. Пошлятина с бомжеватой содержательностью. Стыдно за этих привокзальных юмористов. Еще более стыдно за тех, кто, смеясь, аплодирует им. Неужели подобное модно и в Дагестане? Или эти пошляки считают, что в Москве все дозволено? Не хочется в это верить! Не люблю я и титулы вроде «звезда», «светило», «мегазвезда» и прочие излишества. Есть имя! Есть песня! И все! Хорошая песня не нуждается в диком вранье. Какая мегазвезда? Какое это светило?

Внести бы в Конституцию нашей республики статью: «Не позволено глумиться над культурой Дагестана!» А может, я чего-то не понимаю? Может, нынешние такие песни вовсе и не песни, а фонограммы с математивизированными плюсами и минусами? Я боюсь уже посещать дагестанские вечера в Москве, ибо не желаю слышать грубое звукотехническое издевательство над чудесными голосами замечательных певцов и певиц моей родины. С безутешной болью замечаю, что зурна, свирель и пандур перемещаются на обочину современных вкусов, что станет невосполнимой потерей для дагестанской культуры. Провести бы конкурсы и фестивали старинных песен и народных музыкальных инструментов!

В детстве я с радостью слушал чамалинские песни, чамалинские стихи и чамалинские сказки. С тоской констатирую, что песни и фольклор бесписьменных народов Дагестана исчезли из-за нашего всеобщего равнодушия. Это потеря для культуры не только нашей республики, но и для мировой культуры. И когда нынешние дагестанские эстрадники пытаются соответствовать общим стандартам криков, шумов и судорог, то такая глобализация и есть путь к гибели национальной культуры. Глобализация пусть коснется технических достижений, но не культуры. Добавить бы еще в Конституцию Дагестана: «Запрещается убивать дагестанскую песню! Строго исполнять завещание Расула Гамзатова: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки!»

Как много написано и как много сказано о национальной идее. А ничего нет. На российских же телеканалах Сердючки, Петросяны и прочие, сплошная киркоризация и аншлагизация. И нет уже в российском эфире ни одной песни ни одного народа России. Так и хочется прокричать: «Эй, вы там наверху! Вы оглохли? Вы онемели? Вы еще не проснулись, не протрезвели и не опомнились от самодурости? Вы очерствели? Вам наплевать на песни своих народов?

Смею утверждать, что песня конституционно должна быть в постоянном реестре национальных интересов и государственных приоритетов. Замечательно, что в Госсовете при Президенте РФ недавно выступал Президент Дагестана Муху Алиев по проблеме русского языка, который очень важен для Дагестана. Правда, нужно было бы добиться преподавания русского языка в дагестанских школах грамотными учителями, а не теми, кто сами-то слабо владеют грамотой. Для начала нужно бы провести в Дагестане тест-экзамен на грамотность всех преподавателей русского языка. Иначе нет доступа дагестанцам в ведущие вузы России. Значит, вновь «да здравствует взятка?!»

Это я отвлекся. Кстати, и с преподаванием в школах музыки, пения тоже не все на высоте. Тем не менее, мне бы очень хотелось, чтобы на российских телевизионных и радиовещательных каналах звучали и песни народов Дагестана тоже. Если Дагестан – это субъект России, то на российских каналах должны быть официально представлены и дагестанские песни. Российское телевидение должно быть освобождено от 20 «артистов» и 10 «юмористов», постоянно мелькающих на всех каналах, которые не только их приватизировали, но и измельчают и опошляют культуру народов России. Если дагестанские и российские руководители думают не только об экономике, но и о культуре своих соотечественников, о сохранении полиэтнической и поликонфессиональной комфортности в стране, то обязаны сделать это. Я не украл у Родины ни одного рубля. Не залез в ее казну. Не получал никакого кредита. Я работал всю жизнь, ежемесячно платил и плачу налоги. И требую, чтобы в моей стране звучали песни моего народа не в частных закоулках, а на государственных телерадиоканалах. Я хочу, чтобы один день в России ежегодно был бы днем песен, истории, культуры Дагестана, как и всех остальных субъектов Российской Федерации. За многие десятилетия я не слышал ни по радио, ни по телевидению России ни одной дагестанской песни. Разве это не духовное преступление против культуры моего народа. Так я представляю мой дагестанский и мой российский патриотизм.

Народ, который растерял свои песни, неминуемо превращается в сброд, который способен лишь копировать худшее, что творят другие. Поэтому я вновь обращаюсь к каждому совестливому россиянину, а к дагестанцу – прежде всего: берегите лучшие песни и лучшие традиции народов нашей страны. Берегите как себя. Берегите как детей. Иначе, как фонограммы вместо песен, так мы вскоре и вместо танцев будем лицезреть конвульсии роботов.

Написал много, ибо наболело. Да и не сумел сказать кратко. Но сказал, как сказал.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

СЛАВИМ ЧЕМПИОНОВ – КОТОРЫЕ ЕСТЬ, НО...

Нам есть кем и чем гордиться, По количеству олимпийских, мировых, европейских чемпионов на душу населения Дагестан, наверное, впереди планеты всей. Нет надобности здесь называть имена, это ничего к теме разговора не добавит.

Вслед за вольной борьбой бурное развитие в республике получили бокс, кикбоксинг, бои без правил и другие виды единоборств. В этих видах плотность дагестанцев на ринге такова, что они выступают уже не только за другие города и регионы России, но и за другие страны. Если так продолжится, то может оказаться, что вскоре на чемпионатах мира по этим видам будут выступать в основном дагестанцы.

Утрирую, конечно. Но то, что среди имен Мохаммеда Али, Эвандера Холифилда, Майка Тайсона, Николая Валуева, Кости Цзю, братьев Кличко на равных называют Султана Ибрагимова и других дагестанцев, говорит о многом. Хотя бы о том, что и в профессиональном спорте наши земляки не уступают людям, снискавшим себе мировую славу. А ведь это только начало – у нас немало спортсменов, которые подрастают им на замену.

Не буду говорить о том, что все это – жестокие виды спорта, что такой спорт не только укрепляет, а может и погубить здоровье. Не буду акцентировать внимание на данных беспристрастной статистики, которые свидетельствуют, что удельный вес смертей от сердечно-сосудистых заболеваний среди людей, активно занимающихся спортом, на 10 процентов выше, чем среди людей, далеких от спорта. Это естественно. Для активного долголетия намного важнее правильный образ жизни, умеренность во всем, когда организм не перегружается – ни в спорте, ни в работе, ни в еде и питье.

Но… Во все времена столь суровые виды спорта пользовались большой популярностью среди зрителей. «Хлеба и зрелищ!» – требовали еще древние. С тех пор люди практически мало изменились. И вот дагестанцы на нынешнем этапе развития человечества весьма успешно включились в показ этих самых зрелищ.

Порадуемся этому обстоятельству, но и зададимся вопросом: неужели наши земляки больше ни на что не способны? Есть ведь гармоничные виды спорта, в которых тяжелые травмы – редкость, скорее исключение, чем правило: например, бег, прыжки, теннис, плавание, фигурное катание... Но Дагестан не воспитал маломальски значимых спортсменов ни в чем, кроме как в борьбе, боксе и в других видах единоборств. Не уверен, что если бы родители Елены Исинбаевой жили в Дагестане, она достигла бы таких потрясающих результатов. Промолчим о зимних видах – ну какая у нас зима? Но практически никто всерьез не занимается альпинизмом (хотя есть горы), конным спортом, (хотя есть традиции), водными дисциплинами (хотя есть море), стрельбой, теннисом, волейболом, гимнастикой и десятком других видов.

О легкой атлетике, называемой королевой спорта, нужно сказать особо. Создается впечатление, что на ней в Дагестане поставлен жирный крест. Даже новые стадионы у нас строятся чисто футбольными, без беговых дорожек и секторов для прыжков. Поможет ли это нашим футболистам, которые не только не смогли удержаться в российской премьер-лиге, но и с первой чуть не соскочили? Есть версия, что, как и вольная борьба в 70-е годы прошлого столетия, «мордобойные» виды спорта навязаны нам «сверху». Неужели потому, что в других регионах мало желающих ими заниматься?

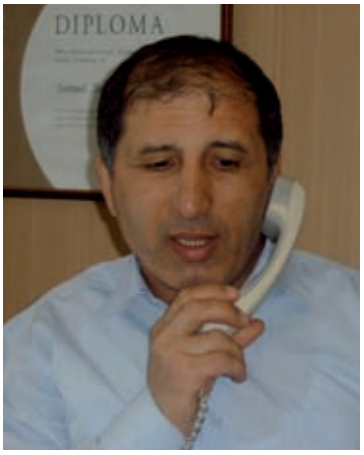
У государства на данном этапе достаточно средств, чтобы помочь развиваться разным видам спорта. Но почему-то такая помощь пока не ощущается. Но и предприимчивые дагестанцы вкладывать средства в развитие туризма и спорта почему-то не спешат. Может быть, предприниматели еще не осознали, что все виды спорта не менее доходны? Хотя и в разной степени. Неужели горнолыжная база «Чиндерчеро» останется первой и единственной ласточкой, которая так и не сделает весну?

Абдулхалик МАГОМЕДОВ,
Сергокалинский район

ОТВЕТ СПЕЦИАЛИСТА

... И ТРИЖДЫ – КОТОРЫЕ БУДУТ!

Редакция попросила заместителя министра по физической культуре и спорту Республики Дагестан Зайнала САЛАУТДИНОВА прокомментировать письмо нашего читателя.



– По большому счету автор письма прав, хотя не со всеми его доводами можно согласиться. В частности, он пишет, что волейболом у нас мало кто занимается. А ведь этот вид спорта у нас, по охвату занимающихся стоит на втором месте после вольной борьбы. То, что наши волейболисты не входят в мировую элиту, говорит только о том, что в волейболе очень сильна конкуренция, и подняться на вершину не так просто. Наши волейболисты среди команд Южного федерального округа не раз занимали призовые места, участвовали и в состязаниях более высокого ранга.

Трудно согласиться и с тем, что спорт губит здоровье. Намного больше вреда здоровью наносят алкоголь, табак и даже банальная лень. Конечно, чемпионский титул дается не за красивые глаза – за каждой медалью стоят неимоверные нагрузки и не один литр пролитого пота. Но другой дороги к вершине спорта нет.

Как бы нам того ни хотелось, дагестанцы не могут быть чемпионами во всех видах. Считаю правильным, что мы акцентируем внимание на тех, где мы традиционно сильны. Но это не значит, что на других дисциплинах поставлен крест. Хотя отсутствие нормальной материально-технической базы, грамотных тренеров не позволяет достичь заметных успехов, тем не менее, легкоатлетические виды спорта у нас живы и есть надежда, и даже уверенность, что они будут процветать.

Уверенность эта строится на том, что существует целевая программа «Развитие массовой физической культуры и спорта в Республике Дагестан на период до 2010 года». Эта программа предусматривает строительство новых и реконструкцию существующих объектов спорта, на что предусматривается потратить более 1 млрд. 140 млн. рублей. В частности, на реконструкцию стадиона «Труд» в Махачкале планируется израсходовать около 300 млн. рублей. И это не бюджетные деньги – их выделяет политическая партия «Единая Россия». После реконструкции здесь будут 8 беговых дорожек, секторы для прыжков, для метания – словом, стадион станет чисто легкоатлетическим. Здесь будет самое современное оборудование, что позволит проводить соревнования самого высокого ранга.

Гордостью республики станет спортивно-оздоровительный комплекс, который строится в Махачкале по проспекту Шамиля. Здесь будут и плавательные бассейны, и спортивные залы. В республике не останется ни одного более-менее крупного населенного пункта, где бы не было спортивного зала. Все это вместе взятое дает уверенность заявить: чемпионы у нас были, есть и будут. И не только в борьбе и боксе.

БЫЛОЕ

Магомед ЯХЬЯЕВ

БОГАТЫРЬ ОСМАН

Вселении Кикуни, что в Гергебильском районе, родился в 1912 году знаменитый в 30-40-50 годы дагестанский богатырь Осман Абдурахманов. Родившегося малыша по росту и сложению можно было принять почти за пятилетнего ребенка. Отец его был низкого роста, очень трудолюбивым и пользовался авторитетом среди сельчан. А вот мать Ашат была своего рода великаншей – ростом 2,2 метра и соответствующего телосложения. Как и другие жители села, она ходила на базары - Цудахарский, Аябазар – продавать фрукты, покупать все необходимое для своей семьи, и люди на базарах сбегались посмотреть на нее. Подходя к ней, умоляли подняться и немного походить. Нередко в знак благодарности давали ей деньги.

Когда Осман достиг 16-летнего возраста, он стал работать. Трудился на рыбацких промыслах, на строительстве Гергебильской ГЭС, на Гергебильском фруктово-консервном заводе.

Впервые его силу сельчане безоговорочно признали во время уборки кукурузы. Он должен был стебли кукурузы вместе с початками, нагруженные на ишака, закидывать на плоскую крышу перед домом. Он это и делал, когда вдруг заметили, что ишака перед ним нет. Осман, тоже удивленный, посмотрел на крышу – а над ней торчали ноги животного. Оказалось, он закинул поклажу вместе с ишаком, даже не обратив на это внимания.

Когда Осман работал на строительстве Гергебильской ГЭС, его заметили руководители республики – Н. Самурский и А. Тахо-Годи. Поговорили с ним и, видимо, дали поручение районному руководству. Председатель райисполкома, в свою очередь, дал указание предоставить Осману свободное время для тренировок и улучшить его питание.

Затем Османа пригласили в Махачкалу. Жители города были потрясены, увидев великана, ходили за ним толпами. Как-то на стадионе шли соревнования по метанию гранаты. Были установлены два флажка: один указывал – рекорд Дагестана, второй – рекорд СССР. Осман взял гранату тремя пальцами и метнул с места. Она упала почти рядом с флажком союзного рекорда. А полупудовый камень он метнул на 12 метров 75 сантиметров. Ему бурно аплодировали.

Был такой случай при работе на Гергебильском фруктово-консервном заводе. К воротам, где обычно собирались мужчины на перекур, подошла легковая машина. По просьбе сидящих спросили у шофера: «Кто сильней – лошадь или твоя автомашина?». По просьбе собравшихся Осман решил испробовать свою силу. Шофер завел машину, но не смог тронуться с места – Осман удерживал ее за задний буфер. Тогда шофер дал полный газ. Осман не растерялся и приподнял машину, оторвав от земли задние колеса. Шофер был потрясен. Кстати, рост Османа был 207 сантиметров, а вес –150 килограммов.

Первая его поездка за пределы Дагестана состоялась в Пятигорск на колхозно-совхозную спартакиаду, где он одержал победу в метании камня. Премию – патефон – Осману вручал Нарком СССР, сам Серго Орджоникидзе. Дагестанца пригласили в Москву. Работал он на заводе «Серп и Молот», но главным образом тренировался у знаменитого в то время борца А.З. Катулина, осваивал приемы классической борьбы, тогда ее называли французской. В феврале 1936 года, Осман стал чемпионом Москвы. Немного освоив русский язык, поступил на годичные курсы по подготовке инструкторов спорта при Институте физкультуры. Снялся в кинофильме «Остров сокровищ», после выхода на экраны которого стал «кинозвездой». Его стали приглашать на съемки в других кинофильмах. Он исполнял роли в фильмах «Детство» по М. Горькому, «Богдан Хмельницкий» и в некоторых других.

Чемпиона Москвы, инструктора по классической борьбе Османа Абдурахманова пригласили в Тбилиси работать в цирке. Он быстро завоевал широкую популярность. Директоры цирков слали друг другу телеграммы: «Шлите Османа Абдурахманова». И Осман вместе с женой Патимат садился в поезд и отправлялся по городам СССР – в Новосибирск, Астрахань, Чкалов, Саратов, Днепропетровск, Пензу, Магнитогорск, Симферополь, Москву – и везде побеждал, занимая первое место. Более тысячи схваток провел богатырь на профессиональном ковре. Он встречался с «великим Иваном» – Иваном Поддубным, боролся с прославленным техником Климентием Булем, знаменитым Орсо Ярчаком, Мазуром, который впоследствии стал чемпионом мира. Побывали в его железных тисках Ян Цыган (Куксенко), Михаил Бурев, Ярков, Александр Пустынник и многие другие. На 15 чемпионатах Осман получал грамоты за первые места.

Особенной любовью Осман пользовался в Средней Азии. Местные жители, узбеки, киргизы, туркмены, таджики, казахи, касались пальцем его потного после борьбы тела, и проводили этим пальцем по своему телу или телам сыновей. Это будто, по поверью, давало богатырскую мощь. Однажды в Душанбе Османа уговорили бороться с верблюдом, который был повержен к восторгу публики. В Киеве Осман боролся с удавом. «Дракон, холодный, как лед, завораживающе смотрел в глаза», – говорил Осман. В жестокой борьбе у Османа не раз было желание задушить «противника», но всякий раз он вспоминал слова укротителя, что удав куплен в Южной Африке за золото, и продолжал бороться.

В 50-е годы Осман был не совсем здоров. Узнав об этом, в селение Кикуни приехал чемпион по вольной борьбе Яунзе, который раньше проигрывал Осману. Яунзе плотного телосложения, весил 120 килограммов. В начале они боролись в Кикуни, где борьба закончилась вничью. На следующий день приехали в райцентр – Гергебиль и решили бороться в клубе (ныне это мечеть). Собралось огромное количества народу, многие стояли на улице. Яунзе был намазан каким-то жирным кремом и поэтому все время выскальзывал из рук Османа. Чувствуя это, не совсем здоровый Осман очень разозлился, напрягся, захватил Яунзе за плечи, поднял его ногами вверх, положил на ковер и лег него. Тот дергался, но Осман держал так крепко, что Яунзе сдался. Раздались крики, аплодисменты, свист. Яунзе разозлился, бросился было в драку. Но гергебильцы помирили соперников.

При работе в Гергебиле мне часто доводилось встречаться с ним. В августе 1957 года мы с Османом Абдурахмановым поехали на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Нас разместили в общежитии какого-то института. Мы с ним жили в одной комнате. На обычной кровати он не умещался, пришлось ее удлинять. На все мероприятия мы ходили вместе. За ним постоянно следовала толпа фоторепортеров. Слишком надоедливых он просто отгонял. Было много интересных встреч.

С Османом Абдурахмановым мне приходилось общаться и позже. Приведу один пример. Однажды, будучи секретарем Гергебильского райкома партии, я принимал участие в работе партсобрания колхоза сел. Кикуни. После собрания собрался домой в Гергебиль, со всеми попрощался. Осман пригласил меня к себе, а я отказался, он в один миг поднял меня, поставил впереди себя в направлении к своему дому и сказал: «Пошли». И деваться было некуда.

О богатыре Дагестана – Османе Абдурахманове, борце классического стиля, в свое время прославившем Дагестан, написано очень мало, хотя в государственных архивах, в кинофильмах, в которых снимался Осман, у людей, знавших его, память о нем хранится. За свою короткую жизнь – он ушел из жизни в 1969 году – Осман Абдурахманов сделал многое. О его блистательных победах можно написать интересную книгу, вывести его имя из «тени». Однако практически он остается в «забвении». Я не писатель и, естественно, такую цель перед собой не ставлю. Но есть же энтузиасты, которые могут это сделать!

Сегодня, когда физкультуре и спорту уделяется все больше внимания, в Гергебиле воздвигнут памятник Осману – богатырю Дагестана (*фото на соседней странице*). Можно назвать его именем улицу в Махачкале, где Осман начал свою спортивную жизнь, а в городах и районах – спортивные учреждения. Дагестанский богатырь это заслуживает.

Ибрагим КЕРИМОВ

ГОРЕ И РАДОСТЬ

Они ложатся спать рано – сразу после пятого намаза. Да и что делать им, старикам, мужу и жене, молча сидящим обычно по углам низенькой деревянной тахты. Обо всем сказано и пересказано, спрошено и переспрошено. Исламу в сравнении с женой Нурият вроде легче: он плотник, ходит на работу в строительную бригаду колхоза, днем среди людей. А Нурият почти целыми днями дома. От горя и скуки спасает только работа, с рассвета до вечерней зари она чем-то занята.

Спят они тут же, на тахте во всю ширину дома, каждый там, где обычно сидит, по углам. Пошел уже двадцатый год, как кончилась война и как получили они весть о гибели своего единственного сына Яраша в самый последний день войны и в самом Берлине. И неудивительно, что каждую ночь, как только ложатся спать, и отец и мать начинают его вспоминать. Не осталось даже самой малой подробности из его короткой жизни, которая не пришла бы в головы отца и матери.

Говорят, горе зарастает давностью. И горе Ислама и Нурият сейчас уже не то, что было в первые послевоенные годы. Оно как бы застыло, затвердело. Но не проходит. Особенно не успокаивается материнское сердце: уже двадцатый год Нурият фанатично ждет сына. С новой силой возродилась ее надежда прошлым летом. Тогда двое туристов из их района ездили в Турцию. И прошел слух, что они там среди наших людей, оказавшихся волею судьбы после фашистского плена в этой стране, видели исхудалого высокого человека лет сорока по имени Яраш.

Услышав это, Ислам и Нурият тотчас тронулись в путь. Голодные и усталые, ближе к полуночи дошли они до аула одного из туристов, несмотря на поздний час разбудили его, попросили рассказать все до мелочей, может быть, это их Яраш? Он высокий, и возраст подходит. Но почему он не спросил о родителях? Почему говорил только на турецком языке? Нет, надо повидать и второго туриста!

Простившись на рассвете с гостеприимным хозяином, они продолжили путь и к вечеру дошли до его аула. Рост и возраст Яраша он тоже подтвердил. У Ислама уже не было сомнения. И он в отчаянии спросил:

– Почему же Яраш не спросил об отце, о матери!

– А почему он должен был спрашивать? Его отец живет вместе с ним, в одном доме. Он нас даже в гости приглашал.

– Но ты говоришь, что он из Дагестана!

– Правильно. Его отец переехал туда после революции…

Так рухнула появившаяся вдруг надежда! Померк последний луч света! Но материнское сердце продолжало ждать, продолжало надеяться.

Однажды, когда в полночь постучали в ворота, Нурият проснулась первой и позвала: «Ислам, слышишь, стучат…» Ислам тоже услышал стук, но ждал, не повторится ли. Он повторился, и старик тяжело и неохотно поднялся: кто бы это мог быть в такой поздний час? Днем на людях держишься кое-как, а ночью так не хочется вставать, все-таки идет восьмой десяток. Медленно надел брюки, сунул ноги в поношенные галоши, вышел во двор, опираясь на посох, открыл ворота. На улице стояли двое. Пожилого он узнал. Это Отар, его дом самый крайний в ауле возле шоссе. Второй был молодым человеком.

– Гостя к тебе привел, Ислам, хотя и поздновато. Постучался к нам. Только что, говорит, с дороги.

– Спасибо, Отар, что гостя привел, – сказал Ислам и, обращаясь к молодому человеку, добавил: – Заходи, да принесет счастье твой приезд.

– Он нашего языка не понимает, – сказал Отар.

– Вах! – удивился Ислам. – Кто же он, мой гость, не знающий нашего языка?

– Не спрашивал, Ислам. Просил заночевать у нас, обещал привести к тебе завтра, но он не согласился.

– Заходи и ты, может, и тебе у нас придется ночевать.

– Почему это? – удивился Отар.

– А на каком языке я буду говорить с гостем? – вопросом на вопрос ответил Ислам.

Гость оказался высоким темноволосым совсем молодым человеком лет восемнадцати-девятнадцати, в ношеном сером костюме и летних ботинках, с левого плеча свисала небольшая брезентовая сумка. Нурият уже была одета и сразу забеспокоилась: надо же накормить человека. А между хозяином и гостем через переводчика началась беседа. Отар неплохо знал русский язык. Он перевел Исламу первый к нему вопрос гостя:

– Сказал, что приехал из Белоруссии. Спрашивает, действительно ли ты Ислам Болатов, отец Яраша.

Услышав имя сына, Ислам насторожился. Прибежала и Нурият с запачканными в тесте руками, с жаром обратилась к Отару:

– Спроси, что он знает о нашем Яраше? Может, видел? Жив он? Здоров?

– Он говорит, даже не знаю, как перевести, – сказал Отар после короткого разговора с гос-

тем. – Он говорит, понимаете, что он сын вашего сына, то есть ваш внук!

«Вай Аллах!» – воскликнула старуха и седой головой припала к груди гостя. А он как-то неуклюже обнял ее и поцеловал в волосы. Ислам впервые пристально всмотрелся в него и рукавом кафтана стал вытирать нахлынувшие слезы. Да, перед ним действительно, была копия его сына: те же глаза, волосы, тот же рост, та же осанка!

– Спроси его имя, – попросил Ислам Отара и ответ понял без переводчика: Болат. Но он все еще не совсем верил неожиданно выпавшему счастью. Кажется, это почувствовал и молодой человек. Он достал из своей сумки сверток из оберточной бумаги, перевязанный желтой тесемкой.

– Что это? – спросил Отар.

– Это письма моего отца к матери моей, – ответил молодой человек.

Услышав это, Нурият схватила пачку писем, прижала к груди, а потом стала целовать их, шепча благодарственную суру из Корана, Да, письма действительно принадлежали Ярашу. Это сразу понял Ислам по почерку.

Святая ночь! Уже для дедушки и бабушки! В ту ночь до самого утра не сомкнули глаз ни старики, ни их внук, ни Отар. Переводчик знакомил стариков с письмами их сына. Нет, он переводил не все, что читал. Тайны двух любящих сердец касаются только их. Среди писем было и удостоверение регистрации брака Болатова Яраша Исламовича с Липатовой Анной Андреевной. Оно было напечатано на машинке и заверено командиром дивизии, генерал-майором. Внизу стояла приписка, что данное удостоверение после войны подлежит обмену в органах загса на настоящее свидетельство о браке.

Никто не спал в ту ночь. Болата угостили поздним ужином – кукурузными лепешками с сыром и сметаной. Ел он медленно, с уважением к хлебу, а бабушка сидела напротив, то и дело трогала ласково за плечо внука, подвигала к нему поближе лепешки на широком деревянном подносе.

Усталый от дальней дороги, Болат все же уснул под утро. А то, что стало им известно, все еще долго обсуждали в своей тихой беседе старик и старуха, сидевшие у изголовья сладко спящего внука.

...Когда начались бои уже на территории Европы, двадцатичетырехлетний капитан Яраш Болатов командовал пехотным батальоном. Однажды ему довелось вытаскивать из-под огня тяжело раненую девушку-санинструктора. Она лежала в воронке, и когда он окликнул ее, жива ли, его поразило, что, услышав мужской голос, она, еле двигая рукой, попыталась натянуть грубую армейскую юбку, стараясь закрыть бедра. Капитан так удивился этому движению едва живой девушки, что запомнил ее и навестил через неделю в полевом медпункте. И был поражен ее красотой: на смуглом с шелковистой кожей юном лице черные брови вразлет, темно-каштановые волосы, распахнуты, будто излучают мерцающий свет, огромные карие глаза. Ни раны не видно, ни крови. Может, она была просто сильно контужена?

Санинструктор встретила капитана радушно, с застенчивой, почти детской, улыбкой. Она знала, что ее спас сам командир батальона, человек очень строгий, но справедливый. Полагала, что, наверно, это мужчина лет сорока, а тут появился совсем молодой человек с обветренным лицом. Она села на краю кровати, пододвинула ему единственную самодельную табуретку. И вдруг почувствовала, как сладко шевельнулось что-то в груди, будто кто-то провел по невидимой тоненькой струне ее сердца, и как пошел по ней слабенький, еле ощутимый ток.

– Спасибо, товарищ капитан, за все, – сказала она тихо.

– Пожалуйста, – ответил он. И после небольшой паузы спросил: – Как вас зовут?

– Аня, – сказала она. И тихо добавила: – Анна Андреевна Липатова.

– Что говорят врачи?

– Ничего особенного. Мелкие осколочные царапины, раны нет. Просто была оглушена. Прихожу в себя, уже встаю. Через неделю, надеюсь, вернусь в часть.

– И не думайте. Лечитесь. – Он посмотрел на часы и встал.

– Уже? – по-детски наивно вырвалось у нее.

– Надо, – однословно ответил капитан. – Поправляйтесь. – Он протянул на прощание руку и, чуть улыбнувшись, посмотрел в ее излучающие невиданный свет бархатные глаза.

– Я сейчас уйду, а вам надо оставаться здесь.

– Это приказ, что ли?

– Это моя личная просьба.

Так все и началось с этой встречи. Через неделю она выписалась, а их батальон отвели во второй эшелон. А еще через неделю они поженились.

Расстались они ранней весной сорок пятого года. Оставаться на фронте Ане было совсем нельзя, надо было подумать о будущем ребенке. И она уехала к матери в затерянную в мелколесье небольшую деревню недалеко от города Барановичи.

Болат родился спустя две недели после гибели отца. Аня, получившая в те дни трагическое известие, только из-за сына и ради сына осталась жить.

Сладко спит внук в дедушкином доме, а дедушка с бабушкой неотрывно смотрят на него и разговаривают шепотом.

– Ты посмотри на брови, – шепчет Нурият. – Точно как у Яраша. Как будто у отца взяли да сыну приложили.

– А ты замечаешь, – шепотом отвечает Ислам, – посапывает тоже, как Яраш…

И пересказывают друг другу особенно понравившиеся места из переписки сына и невестки:

– А как писал Яраш жене: «Если родится сын, назови Болатом – именем моего дедушки, а если дочь – Зухрой – именем моей бабушки», – говорит Нурият.

– Ну и правильно делал, – отвечает Ислам. – Ведь он же мечтал после войны приехать жить к нам с семьей.

И вспоминают еще старик и старуха рассказ внука о последних словах его матери, сказавшей сыну перед своей смертью, что в Дагестане у него живут дедушка и бабушка. Что не говорила ему о них из боязни, что уедет он к ним навсегда, оставит ее одну, но теперь пусть едет, может, они еще живы. И не будет он тогда после ее смерти одиноким на этом свете.

– Аллах все знает, вот и прислал нам внука, – говорит Нурият. – Только как мы с ним будем разговаривать?

– Э-э-э, это что, – отвечает Ислам. – Раз у внука кровь нашего сына, столько же должно быть в его душе и от языка нашего.

В ауле свежие новости узнают рано утром, когда хозяева выгоняют коров – к пастуху, а хозяйки идут за водой к родникам. Так узнали аульчане и о приезде внука к Исламу и Нурият. Весь этот и следующий день приходили они группами и в одиночку поздравлять стариков и посмотреть на их внука. А дедушка и бабушка, оба в обновках, встречали гостей у порога дома и угощали их свежеприготовленными чуду и курзе.

НА ВОКЗАЛЕ

– Грабят! – заорал в ранний час на весь вокзал мужчина с распущенными длинными волосами и с заспанным испитым лицом, в помятой одежде. Приподнявшись со скамейки в углу зала ожидания, он со всей силой ударил мальчика лет пятнадцати по лицу. Мальчик отлетел в сторону и, упав на цементный пол, негромко ойкнул. Изо рта его показалась кровь. Над правой бровью мальчика, во всю ее длину, проходил широкий шрам, свидетель какой-то трагедии.

На крик сбежались люди. Кричавший пошарил по карманам своих поношенных брюк, суетливо встал и, шагнув к мальчику, крепко схватил его за правую руку и силой разжал ладонь: из нее выпал потрепанный «дореформенный» трояк,

– Вот! Видели! Последние хотел ограбить! Сволочь! – крикнул мужчина, схватив купюру, показал ее собравшимся, а потом, вроде боясь, что могут отнять, сунул их во внутренний карман поношенного пиджака из грубого темно-коричневого сукна.

Спрятав деньги и успокоившись, он несколько раз с силой пнул сбоку по животу мальчика стоптанным тупоносым ботинком. Худыми, почти безжизненными руками тот безуспешно пытался защитить живот. Удивительно, он не плакал, не стонал, хотя ему было больно. В эти осенние уже прохладные дни на нем была только старая непомерно большая черная рубашка из грубой шерсти. Казалось, в ее воротник можно поместить еще одну такую же тоненькую шею.

Когда кончились побои, мальчик попытался встать, но не смог. Тогда он медленно перевернулся лицом вниз и на четвереньках медленно отполз в ближайший угол. Одни осуждали человека, так сильно побившего мальчика из-за каких-то трех рублей, другие, напротив, встали на его сторону. Но удивительно: никто даже из тех, кто жалел мальчика, не попытался оказать ему хоть какую-нибудь помощь.

Подошли два молоденьких милиционера, подняли мальчика и, взяв под мышки, повели в линейное отделение милиции, приказав и мужчине следовать за ними.

В отделении их встретил молодой, почти такой же, капитан милиции со строгим лицом и сросшимися густыми бровями. Он посадил мужчину и мальчика слева и справа от своего стола, внимательно посмотрел на них и определил: что бы ни случилось в зале ожидания, потерпевшим все же является мальчик. Он еле держится, чтобы не заплакать, иногда неестественно кривит лицо: явно ему очень больно. Мужчина же сидит победителем, гордо задрав голову. «Держится так, будто один потушил большой пожар», – подумал капитан. Один из милиционеров четко, без лишних слов изложил суть дела.

– Документы отобрали? – спросил начальник отделения.

– Не успели, товарищ капитан. Мы сейчас.

Мужчина сразу же достал из внутреннего кармана пиджака паспорт, почему-то завернутый в потемневший от грязи лоскуток. Мальчик же долго шарил за пазухой рубашки, и очень обрадовался, когда нашел свой документ. Это была метрика о рождении.

Хотя паспорт положили на стол раньше, капитан взял метрику и, прочитав, обратился к мальчику:

– Ну, расскажи, что и как было.

– О чем? О трояке?

– Нет, о том, как стал воровать.

– Ничего не буду рассказывать, – засопел он.

– Ладно. Я буду спрашивать, а ты отвечай. Как тебя зовут?

– А там написано, – подбородком указал мальчик на свою метрику в руках капитана.

– Я хочу услышать от тебя.

– Ну, Салахом. А что?

– Отец есть?

– Нет.

– Мать?

– Мама есть, – ответил мальчик, и лицо его просветлело.

– Ну, еще кто есть?

– Брат есть помоложе. И сестренка тоже есть, она еще моложе. Совсем маленькая.

– А теперь скажи, зачем ты приехал в этот город?

Салах молчал, опустив голову. Капитан не прерывал паузу. И тогда мальчик ответил:

– Я работу искал. Деньги нужны.

– Для чего? – спросил капитан. И поскольку мальчик опять промолчал, он повторил: – Для чего?

– Маме посылать.

– А что, она сама не может заработать?

– Может. Мама работает.

– Мало получает?

– Да.

– Сколько? Или ты не знаешь?

– Почему я не знаю? Девяносто рублей получает.

– Вот тут, – капитан ткнул пальцем в метрику, – ясно, что тебе нет даже четырнадцати лет. Тебя не примут на работу.

– Примут, – сказал Салах уверенно. – Я буду работать как взрослые. Я сильный.

«Сильный» был настолько худым, с измученным бледным лицом, да еще теперь и с запекшейся кровью на губах, что вроде даже еле сидел. Услышав слова мальчика, мужчина, избивший его, ухмыльнулся. Капитан неодобрительно посмотрел на него и спросил:

– А почему, Салах, ты хотел украсть деньги именно у этого человека? Три рубля – небольшие деньги.

– Чтобы поесть что-нибудь. А у этого, – мальчик кивнул подбородком в сторону мужчины, – просто трояк торчал из кармана. Я подумал, наверное, у него денег много, раз держит их как попало.

– У меня много? Да ты последний трояк вытащил! Можно сказать, кусок хлеба отнял! – выкрикнул мужчина.

– Вот что, гражданин! – разозлился капитан. – Я вас предупреждаю: не мешайте мне, иначе… – Он не договорил и снова обратился к мальчику:

– Возвращайся к маме и живи, как все.

– Не вернусь, – ответил тот. А потом, помолчав, добавил: – Пока не заработаю на одежду брату и сестре!

Капитан пристально посмотрел на него. Кажется, с ним все было ясно. Он подозвал милиционера, что-то сказал ему, тот вышел и через несколько минут вернулся с двумя бутербродами с сыром на блюдце и стаканом чая, которые поставил перед мальчиком.

– Ешь, – сказал капитан.

– Не буду!

– Ешь, тебе говорят! – повысил голос капитан. – Характер свой здесь не показывай…

Мальчик посмотрел на капитана. Что-то дрогнуло в его худом лице. Он оглянулся вокруг, будто стесняясь кого-то, а потом, взяв бутерброд и, отвернувшись к стене, стал есть.

Капитан обратился к мужчине. Из длинного и нудного разговора, в котором «потерпевший» долго не хотел отвечать на все задаваемые ему вопросы, все-таки выяснилось, что зовут его Ахмед Акаевич Токаев, он разнорабочий на заводе, оставил десять лет назад жену с тремя детьми из-за своего пьянства, живет с женщиной на ее квартире, которая вчера выставила его по той же причине на улицу. Вот он и пришел на вокзал, в зал ожидания.

Выяснив все это, капитан сказал:

– Меняйте образ жизни, Токаев. Встретимся еще раз, разговор у нас будет другой.

Он взял в руки метрику мальчика, заглянул в нее, потом хотел протянуть Токаеву его паспорт, но что-то его остановило. Он еще раз раскрыл его, вчитался в перелистываемые страницы, а потом сказал поднявшемуся со стула мужчине:

– Присядьте на минутку. Тут такие совпадения… Ну-ка, как зовут ваших детей?

Когда из дальнейших его и мальчика расспросов выяснилось, что все сходится, Токаев заморгал:

– Что вы этим хотите сказать, капитан?

– То, что и вы думаете.

Токаев подошел к мальчику вплотную и даже нагнулся к его лицу. Да, над правой его бровью был виден широкий шрам. Мальчик отвернулся и закрыл его рукой. Но Токаев уже не смотрел на него, он стоял в оцепенении.

Вывел его из этого состояния голос капитана.

– Ну что? Признали?

– Да! Это мой сын! – и мужчина шагнул к мальчику.

– Нет! – что было силы закричал Салах. – Нет! Нет! Нет! Это не мой отец! У меня нет отца! – И он выбежал из кабинета.

Капитан его не удерживал. А Токаев все повторял и повторял свое, угодливо озираясь, словно ища поддержки…

АВТОРЫ НОМЕРА

Гази ГАСАЙНИЕВ с. 2

Джамалудин ДЖАМБУЛАЕВ с. 4

Магомед ГАЗАЛИЕВ с. 8

Сайпула ИСАЕВ с. 16

Меран НАЗАРОВА с. 18

Магомед АБДУЛХАБИРОВ с. 20, 48

Диана АЛИЕВА с. 22

Мухидин МАГОМАЕВ с. 24

Саидат МАГОМЕДОВА с. 28

Изумруд АТАЕВА с. 34

Светлана КРИВОНОСОВА 44

Магомед ЯХЬЯЕВ с. 54

Ибрагим КЕРИМОВ с. 56

Наби АНКАЕВ с. 57, 59 рис.

ЖУРНАЛ «ДАГЕСТАН» – ВЗГЛЯД НА СЕБЯ И ВОКРУГ СЕБЯ

Подписывайтесь, земляки! Спрашивайте в киосках!

ДАГЕСТАН

№ 5 (32) сентябрь/октябрь 2007 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Далгат АХМЕДХАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:
Р/с 40603810602800140487
в Махачкалинском ф. банка «Возрождение» (ОАО) г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.
Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 30 руб., у общественных распространителей – свободная.

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.
Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.
Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.
При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Журнал “Дагестан” – лицо республики

Для уважающих себя и свою Родину

К сведению читателей!

Рекламодателей в том числе!

Журнал “Дагестан” поступает в Госдуму, Правительство, Администрацию Президента РФ, в федеральные и республиканские ведомства в Москве и Махачкале, в крупные производственные и финансовые структуры, учреждения культуры России и Дагестана

ПЯТАЯ ДАГЕСТАНСКАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА–ЯРМАРКА

ДАГЕСТАНПРОДЭКСПО 2007

МАХАЧКАЛА, НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Р. ГАМЗАТОВА

10-13 октября 2007 г.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ:

- ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, НАПИТКИ;
- МАШИНЫ, ОБОРУДОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ;
- ТОРГОВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ;
- ТАРА И УПАКОВКА ДЛЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Тел.: (8722) 68-12-24
Факс: (8722) 68-01-33
http://www.dagexpo.ru
E-mail: dagexpo@e-dag.ru

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство экономики РД,

Республиканский выставочно-маркетинговый центр «Дагестан - ЭКСПО»

ВЫСТАВОЧНЫЕ ОПЕРАТОРЫ:

ООО ЦМИ «Вектор»

ООО «Омега Ай-Ти сервис»

ПОДДЕРЖКА ВЫСТАВКИ:

Аппарат Полномочного Представителя Президента РФ в Южном федеральном округе,
Министерство сельского хозяйства РФ,
Торгово-промышленная палата РФ,
Администрация Президента и Правительства Республики Дагестан,
Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД,
Комитет Правительства РД по виноградарству и алкогольной промышленности «Дагвино»,
Комитет Правительства РД по поддержке и развитию малого предпринимательства,
Администрация г. Махачкалы.

СПОНСОРЫ:

КАСПИЙГАЗПРОМ

ДАГЕСТАНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕНЕРИРУЮЩАЯ КОМПАНИЯ ГИДРООГК

ЭПОХА ИЗДАТЕЛЬСТВО

КИЗЛЯРСКИЙ КОНЬЯЧНЫЙ ЗАВОД

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ СПОНСОР

АПОСТАРТ

ДАГПРОДЭКСПО – 2007